СБОРНИКЪ
ТРУДОВЪ ОРХОНСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

V.

ОТЧЕТЪ И ДНЕВНИКЪ

О ПУТЕШЕСТВІИ

ПО ОРХОНУ И ВЪ ЮЖНЫЙ ХАНГАЙ

ВЪ 1891 ГОДУ.

Н. Ядринцевъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1901.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп., К. Л. Риккера въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **М. В. Клюкина** въ Москвѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; у **Фоссъ (Г. Гессель)** въ Лейпцигѣ; **Е. П. Распопова** въ Одессѣ; **Люзакъ и Комп.** въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна: 60 коп. — Prix: 1 Mk. 50 Pf.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1901 года. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

Предпринятое мною путешествіе въ Монголію, въ 1891 г., въ числѣ членовъ Орхонской Экспедиціи, командированныхъ Императорской Академіей Наукъ, было для меня продолженіемъ и дополненіемъ къ изслѣдованіямъ первой моей экспедиціи, въ 1889 г., къ развалинамъ предполагаемаго Каракорума.

Предоставляя ученому и уважаемому начальнику экспедиціи и сочленамъ экспедиціи провѣрить мои изслѣдованія и открытія загадочныхъ памятниковъ во вершинахъ Орхона, которыя я видѣлъ въ 1889 г. Я сосредоточилъ все свое вниманіе, въ поѣздку 1891 г., на разысканіи доисторическихъ, историческихъ памятниковъ и могилъ въ другихъ частяхъ восточной Монголіи, которыя могли бы уяснить распространеніе древнихъ памятниковъ тождественнаго характера съ найденными, а также и надписей, подобныхъ открытымъ на могильникахъ орхонскихъ.

Я выѣхалъ одновременно съ начальникомъ экспедиціи и другими членами ея изъ С.-Петербурга и вмѣстѣ съ ними слѣдовалъ неотлучно до Урги. Здѣсь, по общему соглашенію, я предпринялъ другіе маршруты съ цѣлями рекогносцировокъ и развѣдокъ, а именно отъ Урги я проѣхалъ по Толѣ, новымъ южнымъ путемъ, къ Орхону, а затѣмъ, соединившись съ остальными членами экспедиціи и пробывъ съ ними нѣкоторое время около развалинъ Хара-Балгасуна, я отправился въ южный Хангай, на Онгинъ и Туинъ-Голъ, по указанію начальника экспедиціи и возвратился съ границы Гоби обратно на Орхонъ; возвратный путь мой былъ по Орхону, въ направленіи, указанномъ опять начальникомъ экспедиціи.

Представляя нынѣ извлеченія изъ дневника я имѣлъ ввиду описать главнымъ образомъ памятники, найденныя мною во время моихъ экскурсій и вошедшіе въ 1-ый выпускъ атласа древностей Монголіи.

Маршрутную съемку своего пути я представилъ для обработки капитану топографовъ, И. И. Щеголеву, составившему общую карту маршрутовъ экспедиціи и долины Орхона.

Дневникъ свой я началъ въ путеслѣдованіе экспедиціи изъ города Троицкосавска и слободы Кяхты, откуда мы отправились 16 Іюня. Мы слѣдовали до Урги почтовымъ трактомъ, въ китайскихъ повозкахъ. 20 іюня мы были въ Ургѣ. Не смотря на быструю ѣзду монгольской почтой, съ подпряжкой верховыхъ лошадей, во время этого пути, на почтовыхъ станціяхъ, приходилось все-таки обозрѣвать мѣстность и иногда я дѣлалъ путь верхомъ вмѣстѣ съ нашими людьми слѣдуя за повозками. Путь отъ Кяхты до Урги описанъ въ географическомъ отношеніи многими путешественниками и нанесенъ опредѣленно на топографическую карту, поэтому не было надобности дѣлать здѣсь описанія мѣстности; но я отмѣчалъ все выдающееся, что могло имѣть значеніе для археологіи и отмѣтилъ встрѣчавшіяся древнія могилы.

Выѣхавъ 16-го числа, мы вступили вскорѣ въ волнообразную мѣстность съ горами, покрытыми лѣсомъ, и скоро достигли р. Ибицикъ, чрезъ которую была переправа, а также урочища Ибицикъ на высотѣ 2530 Ф. Ибицигинъ-Голъ впадаетъ въ Чикой. На р. Ибицигинъ-Голъ мы видѣли небольшой керексуръ или каменный могильникъ, около скалы; далѣе мы прослѣдовали на р. Хонгай, гдѣ представилась широкая долина, посѣщаемая разливами. Здѣсь множество песчаныхъ бархановъ и выдувовъ, покрытыхъ растительностью. Могильниковъ въ этомъ мѣстѣ я не нашелъ. Но они попались 17-го іюня, на р. Иро, послѣ перевала черезъ Цаганъ-Даба. На р. *Хуйтунъ*, впадающей въ р. Шара-Голъ, мы также узнали о существованіи могильниковъ. Ихъ называютъ *Керексуръ-Булышъ*, *Кергесъ-Чоло* и *Булышъ-Чоло*. Монголы говорили, что они принадлежали народу Кули-Хана. Названіе *керексуръ* извѣстно во всей Монголіи и дается могильникамъ въ видѣ каменныхъ насыпей, окруженныхъ обложкой или кругомъ изъ камней. Замѣчательно, что монголы не считаютъ могильники эти принадлежащими своимъ предкамъ, но приписываютъ постороннему народу.

18-го іюня, проѣхавъ перевалъ Манхатай, лѣснаго характера, представляющій живописный видъ, мы достигли р. Хара-гола, вытекающей изъ хребта Гентея и впадающей въ Орхонъ. Въ первое путешествіе мы слѣдили ее отъ устья и, свернувъ съ нея, пошли къ югу; теперь мы переѣхали ее выше. 18 іюня на рѣчкѣ мы видѣли 3 каменныя могилы, но Монголы удостовѣряли, что этихъ могильниковъ много по всему протяженію Хара-Гола. Долина здѣсь была степнаго характера. Далѣе по пути къ станціи Хоримту, была возвышенная степь, плоскогорье. Здѣсь встрѣтились китайскіе пашни и фанзы; сѣютъ буду (просо) и пшеницу. Изъ Монголіи нерѣдко привозится пшеница. Въ Забайкальѣ, въ неурожайный годъ, было его закуплено изъ Монголіи, какъ говорили, до 200,000 пудовъ. Далѣе

слѣдовала станція Хунцалъ, высота мѣстности 3770 ф. 19-го іюля, станція Бургултай, представляющая безлѣсную мѣстность и находящаяся на небольшой рѣчкѣ Бургултой. Всѣ подобныя монгольскія станціи были стоянкой юртъ, выставляемыхъ для проѣзда почты и чиновниковъ; весьма часто онѣ перемѣняютъ мѣста. Этимъ-же трактомъ ѣдутъ русскіе торговцы и везутъ чай. По настоящему трактъ этотъ долженъ былъ бы имѣть русскія станціи и едва-ли китайцы имѣли-бы что-либо противъ поселенія нѣсколькихъ русскихъ семей, ямщиковъ и крестьянъ. По крайней мѣрѣ это право можно было исходотайствовать, въ видахъ важности чайной торговли.

Послѣдней станціей къ Ургѣ была Куй-Мандалъ. На этой станціи мы встрѣтили 16 керексуръ-могильниковъ. Могильники весьма древніе. Одна круглая насыпь, съ проваломъ въ срединѣ, имѣла 50 шаговъ въ окружности; около нея были придатки изъ камней и къ востоку стоялъ высокій камень-маякъ, какъ на многихъ другихъ керексурахъ.

Изъ этого нахожденія могилъ по пути къ Ургѣ мы могли заключить, что керексуры и могильники тянутся къ востоку отъ Орхона, по всѣмъ его притокамъ, до Гентея. О распространеніи могильниковъ и обиліи ихъ между Хара-Голомъ и Толой мы упоминали въ дневникѣ нашего перваго путешествія.

Въ Ургѣ пришлось экспедиціи пробыть недѣлю; въ это время мы заняты были сборами, пріискивались лошади, законтрактовывался поставщикъ лошадей, покупались палатки, путевые принадлежности и проч. Во время пребыванія въ Ургѣ мы осматривали кумирни и присутствовали при праздникѣ или смотрѣ монгольскихъ стрѣлковъ изъ лука. Монголы до сихъ поръ сохраняютъ обычай стрѣлять изъ луковъ, но это осталось скорѣе, какъ историческое и традиціонное торжество, сопровождаемое всевозможными церемоніями. Стрѣляютъ на разныя разстоянія и попадаютъ въ пирамиды изъ кожаныхъ колецъ. Монгольскіе луки имѣютъ щеголеватую отдѣлку, многіе облеиваются рогомъ, стрѣлы опушены перьями. При стрѣльбѣ производится оцѣнка мѣткости и присутствуютъ монгольскія власти.

Ургинскій базаръ представляетъ обширное поле для этнографическихъ наблюденій: здѣсь находятся подвижныя кузницы, лавки торговцевъ мелочниковъ, расхаживаютъ музыканты, ламы и покупатели стекаются изъ дальныхъ мѣстъ монголіи. Уже въ первое путешествіе по Монголіи намъ бросилось въ глаза разнообразіе типовъ, изъ которыхъ далеко не всѣ носятъ отпечатокъ обычный монголовидности. Дальнѣйшія наблюденія убѣдили насъ, что монгольская узкоглазость, плоскій носъ, широкіе скулы и даже черноволосость и смуглость кожи не постоянные и неизмѣнные признаки типа, напротивъ мы видимъ весьма частые отклоненія въ отдѣль-

ныхъ признакахъ и цѣломъ. Полуоткрытые глаза, длинный носъ также нерѣдки въ монгольскихъ типахъ, но замѣчательно, что мы встрѣчали свѣтлые русые волосы, а каштановые весьма нерѣдко.

На Толѣ и въ Хангаѣ мы также встрѣчали бѣлокурыхъ особей, въ семьяхъ которыхъ, по опросамъ, не было смѣшенія съ европейцами; на Орхонѣ мы видѣли дѣтей съ бѣлокурыми волосами, которые послѣ превращаются въ темные; на бородѣ и усахъ у монголовъ также встрѣчаются болѣе свѣтлые волосы.

Все это указываетъ на непостоянство признаковъ или на отдаленное смѣшеніе расъ въ Монголіи. Фактъ этотъ заслуживаетъ во всякомъ случаѣ внимательныхъ антропологическихъ изслѣдованій [1]).

Около Урги находится гора Богдо-Ула, у подножія которой, на другой сторонѣ рѣки, дача Гегена. Съ этой горой связано много преданій, поддерживаемыхъ ламами; кромѣ того, въ окрестностяхъ и около Урги на степи, существуютъ остатки китайскихъ лагерей и укрѣпленій. Стѣны этихъ укрѣпленій выведены были изъ глины и представляютъ типичные постройки изъ сырцовой глины, скрѣпляемой деревянными брусьями, какіе мы встрѣчаемъ во многихъ, древнихъ развалинахъ Монголіи. Изъ древностей намъ удалось натолкнуться въ Ургѣ на одинъ остатокъ могильника съ весьма характерной принадлежностью — *каменной бабой*.

Остатокъ насыпи или могильника находился около амбаневскаго дома. Холмъ былъ не высокій, едва 2 арш. отъ земли, уже сглаженный. Опрокинутая каменная баба была на половину прикрыта землей, она была изъ гранита и сильно вывѣтрившаяся, слѣды высѣченныхъ глазъ, носа и рта сохранились, а овалъ головы и плечи были весьма рѣзки и опредѣленны. По измѣренію длина фигуры была 32 вершка или 1 метр. 43 сант.; между плечъ фигуры 61 сант., голова 38 сант. Нахожденіе этой *каменной бабы* въ Ургѣ было весьма важнымъ прецедентомъ.

Относительно Забайкалья мы должны сказать, что намъ удалось видѣть только подобіе каменной бабы въ Троицкосавскѣ; она была привезена сюда, какъ говорили, сторожами съ Гусинаго озера. Слѣдъ лица едва сохранился, носъ былъ отбитъ, но очертаніе головы и плечъ было ясное, на обратной сторонѣ было подобіе круга, а на боку вырѣзаны завитки весьма схожіе съ изображеніями на оленныхъ камняхъ. Какъ оказалось, эту каменную бабу описалъ Геденштромъ. Говорили о другомъ экземплярѣ, лежа-

---

1) Урга, какъ торговый и религіозный центръ, имѣетъ весьма смѣшанное населеніе тамъ проживаютъ постоянно нѣсколько сотенъ Тибетцевъ, много Манчжуръ; число русскихъ подданныхъ тамъ никогда не бываетъ менѣе сотни. Ред.

щемъ гдѣ-то въ Селенгинской степи, но онъ не найденъ[1]). Существованіе камней съ изображеніемъ оленей за Байкаломъ отмѣчено г. Потанинымъ и такой камень сохраняется въ Гусино-Озерскомъ Дацанѣ. Какъ увидимъ далѣе, Ургинская каменная баба была не единственной въ томъ раіонѣ.

27-го іюня, снарядившись, экспедиція вышла изъ Урги въ полномъ составѣ и мы съ ней прослѣдовали въ первый день, до урочища Сангинъ-булунъ—въ 20 в. отъ Урги. Отсюда главный отрядъ экспедиціи, съ начальникомъ, направился по Ургинско-Улясутойскому тракту, къ озеру Угей-Норъ; мы же должны были идти на югъ, по лѣвому берегу Толы до изгиба я и потомъ направиться на западъ, къ Орхону.

Моимъ сотоварищемъ былъ натуралистъ, г. Левинъ и служителями 2 монгола, одинъ изъ нихъ Федоръ Осокинъ, переводчикъ,, а другой, лама Лекцикъ, вожакъ. Мы имѣли вьюки на лошадяхъ, весь путь мы ѣхали верхомъ.

На другой день 28-іюня, разставшись съ товарищами, мы произвели экскурсію въ окрестностяхъ Сангина; предъ нами находилась на правой сторонѣ гор. Сангинъ, начало предгорій, идущихъ по правой сторонѣ р. Толы. Поднявшись на террассу этой горы, мы встрѣтили до 13 керексуръ или каменныхъ могилъ круглой формы. Съ высотъ открывался видъ на мѣстность къ сѣверо-востоку до Урги, къ югу отъ которой на лѣвой сторонѣ Толы лежала Богда-Ола, въ долинахъ покрытая лѣсомъ. Долина р. Толы была покрыта тополями, тальникомъ и это придавало ей цвѣтущій видъ. Съ Сангина открывалась цѣлая амфилада горъ и возвышеній на правой и на лѣвой сторонахъ р. Толы. 29-го іюня, съ восходомъ солнца, въ 5 час. 40 м. мы отправились въ путь и должны были обогнуть гору Сангинъ, которая утесомъ примыкала къ Толѣ; обходъ этого возвышенія занялъ пять часовъ и къ 10 час. мы вышли на Толу, сдѣлавъ два перевала черезъ Сангинъ. При подъемѣ на первый перевалъ встрѣтили керексуры полуразрушенные; въ 10 час. 40 мин. вечера мы остановились въ долинѣ Толы и, съ роздыхомъ въ срединѣ дня, сдѣлали 25 верстъ. На правомъ берегу мы миновали Большой, Средній и Малый Сангинъ, между двумя послѣдними было возвышеніе Эмегетей, напротивъ, на другой сторонѣ, лежала выдающейся скалою гора Сальхитей; на правой сторонѣ, за Сангинами, видна была сопка Табунъ-Тологой. На маршрутѣ приходилось заносить лишь ближайшія сопки, что касается главнаго хребта, шедшаго по правой сторонѣ Толы, то по топографической картѣ Главнаго Штаба онъ носилъ названіе Дзегиля, намъ же этого названія не встрѣчалось и на разспросы отвѣчали, что хребетъ называется Хосынъ-Нуру.

1) Доставлена Селенгинскимъ исправникомъ, Михайловымъ въ музеѣ В. С. Отдѣла въ 1891-омъ году. Ред.

30-го іюня мы шли по берегу Толы, съ утра сдѣлали 30 верстъ. День былъ жаркій, термометръ показывалъ въ 2 час. дня 38°. Предгорія тянулись также по берегу Толы, какъ и вчера, на лѣвой сторонѣ рѣки были видны сопки Хара-Тологой и Ихе-Дуланъ. Тола доселѣ была покрыта кустами тальника, который закрывалъ протоки; теперь мѣстность являлась болѣе открытою, безлѣсною и степною. Горы какъ будто понижались, было больше распадовъ, осыпей; растительность только степной дерисунъ.

Здѣсь мы остановились на урочищѣ Уланъ-Суржи. Это было мѣсто стоянки Шире-Базара, богатаго монгола, который былъ хозяиномъ многихъ табуновъ; онъ подрядился поставить верблюдовъ и лошадей для всей экспедиціи. Юрта этаго богача монгола была очень грязна и не отличалась отъ другихъ юртъ. Мы остановились у Шире-Базара, такъ какъ здѣсь предстояло перемѣнить лошадей на верблюдовъ подъ багажъ, что было гораздо удобнѣе, наконецъ, для моего спутника понадобился лишній человѣкъ сопровождать его на экскурсіи и Шире-Базаръ далъ своего родственника, молодого парня, который однако оказался весьма лѣнивымъ и слабосильнымъ, типъ монгольскаго пролетарія, и составлялъ противоположность съ другимъ нашимъ вожакомъ, ламой Лекцикомъ, молодымъ, ловкимъ и весьма щеголевато одѣтымъ монгольскимъ джентельменомъ.

31-го іюня, съ урочища я сдѣлалъ на утро экскурсію въ сосѣднія горы. Поднявшись на терассу верстахъ въ 2-хъ, нашелъ до 10 керексуръ, хотя Шире-Базаръ увѣрялъ, что никакихъ камней и могильниковъ кругомъ нѣтъ. Форма нѣкоторыхъ могильниковъ была четырехугольная, камни были сильно вывѣтрившіеся, что указывало на древность или сильныя атмосферныя вліянія; большинство гранитныхъ памятниковъ, какъ мы замѣтили послѣ, подверглось такому вліянію въ предгорьяхъ по рѣкѣ Толѣ.

Въ 7 часовъ мы двинулись по р. Толѣ мимо сопокъ Бату-Сумбуръ и Лятынъ-Цецыкъ; дѣлая объѣзды въ распадахъ и на склонахъ горъ, мы натолкнулись на группу керексуръ, числомъ 75; между прочимъ здѣсь былъ большой керексуръ, насыпь, обложенная съ четырехъ сторонъ рамою изъ камней, каждая сторона которой имѣла 48 и 50 шаговъ. На дорогѣ, у гор. Бату-Сумбуръ, мы встрѣтили стоячій камень въ $8\frac{1}{2}$ четвертей вышины и $2\frac{1}{2}$ четвертей ширины и $\frac{1}{4}$ толщины; надписей и фигуръ на немъ не было.

Къ вечеру, на ночлегъ, мы остановились на урочищѣ Остынъ-Омъ. Остъ былъ небольшой ручей, впадающій въ Толу; переходъ былъ сдѣланъ въ 25 верстъ.

1-го іюля продолжалось движеніе по Толѣ. Къ С. видны были возвышенія Зурхе и Хангасутай, на лѣвой сторонѣ рѣки — Ихе-Дуланъ и Бага-Дуланъ и далѣе Ихе-Гольцегеръ. Долина Толы становится шире, до 10 верстъ, рѣка вѣтвится въ протокахъ, около горъ видны широкія плато и

терассы, распады шире и значительнѣе. Поднимаясь на одну изъ терассъ, въ 3-хъ верстахъ отъ нашей стоянки къ югу, у подножія горы Арцитъ мы обратили вниманіе на могильникъ состоящій изъ 4 плитъ. По измѣренію

	Высоты.	Ширины.	Толщины.
1-ая плита была	97 с.	201 с.	9 с.
2-ая » »	87 »	195 »	9 »
3-я » »	81 »	208 »	8 »
4-ая » »	114 »	137 »	6 »

Одна изъ плитъ уже лежала, другія были наклонены и сохраняли видъ гробницы. Около плитъ находились гранитные обломки статуи, фигура была сдѣлана въ сидячемъ положеніи, головы не нашлось, туловище отъ земли было 74 сант., ширина внизу 53 сант., около плеча статуи видно было отверстіе для прикрѣпленія руки, вѣроятно желѣзнымъ прутомъ, обломокъ плеча и руки лежалъ близъ статуи, онъ равнялся 34 сант. Затѣмъ вблизи находился остатокъ второй гранитной фигуры, высота 68 сант. отъ земли, объемъ 136 сант., гранитъ сильно вывѣтрившійся; въ почвѣ найдена была обожженная черепица. Кромѣ этой гробницы здѣсь-же находились двѣ группы керексуръ. Большой могильникъ доходилъ до 80 шаг. въ окружности. Отъ горы Арцита, проходя около другихъ сопокъ, Онготу и Бурханту, вездѣ въ падяхъ мы встрѣчали цѣлыя группы керексуръ, которые всѣ пересчитывать уже не было времени, тѣмъ болѣе, что они уходили въ распады все глубже и глубже. Эти распады горъ и терассы на берегу Толы сохраняли цѣлыя кладбища и показывали, что здѣсь когда-то обиталъ многочисленный народъ. Формы керексуръ были болѣе разнообразны: могильники окружались четырехугольниками изъ камней и кругами, были могилы въ видѣ круглыхъ, конусообразныхъ насыпей, но попалась и плоская груда камней, съ 4 стоячими камнями, неправильной формы, по угламъ. Отбитыя плиты и глыбы камней были огромнаго размѣра. По измѣренію стоячіе камни были въ 104 и 90 с. высоты, лежащія глыбы въ 125 сант. длины и 74 сант. ширины. Могильники эти имѣли приблизительно четырехугольную форму и, нѣкоторые, впереди *аллею камней* или *предстоящіе* небольшіе камни. [1]).

Кромѣ грубыхъ формъ, съ неправильными плитами, среди могильниковъ попадаются, какъ мы увидѣли, гробницы изъ тщательно обтесанныхъ плитъ. Къ числу такихъ болѣе, обдѣланныхъ памятниковъ, принадлежатъ

1) Такіе, предстоящіе камни и аллей сопутствуютъ большіе и малые могильники. Чѣмъ значительнѣе могила, тѣмъ выше камни и аллея длиннѣе; иногда она служитъ предвѣстіемъ и указателемъ какого нибудь выдающагося могильника и ханскаго кладбища, напр. на Орхонѣ, около Кошо-Цайдама.

стоячіе камни, огороженные небольшими, врытыми плитами. Такой камень или маякъ попался у горы Мокныръ. Нижнія плиты, служившія для его укрѣпленія, были 72 и 94 сант. длиной, основаніе стоячаго камня 72 сант. и высота 2 мет. 40 сант., на верху онъ былъ закругленъ, но верхушка сильно вывѣтрилась.

Переходъ въ этотъ день былъ сдѣланъ 25 в. Ночлегъ на урочищѣ Онгытъ. Вечеромъ былъ дождь и + 14° С. Переходы отъ 30° жары къ 12° утромъ были чувствительны.

2-го іюля мы вышли съ ночлега и, пройдя 2 версты по берегу, поднялись на плато для розыска керексуръ. На этомъ плато, вмѣсто могильниковъ, насъ поразилъ рядъ стоячихъ камней значительной величины, въ 170 и 150 сант. высоты и въ 30 и 35 сант. толщины, стоящихъ на разстояніяхъ отъ 3 шаговъ до 13, съ запада на востокъ; такихъ камней мы насчитали сразу до 166, но далѣе оставили считать ихъ, торопясь поскорѣе видѣть могильникъ или кладбище, къ которому эти камни вели; мы могли приблизительно сообразить, что если отъ камня до камня было 5 шаговъ то аллея эта тянулась на 830 шаговъ, но она еще продолжалась далѣе на 2,145 шаговъ. Наконецъ показался могильникъ. Онъ былъ такъ необычаенъ и требовалъ такого вниманія, что мы остановили нашъ караванъ и принялись за работу. Могильникъ былъ совершенно одинокъ на степной обширной терассѣ. Онъ былъ окруженъ небольшимъ валомъ въ $1\frac{1}{2}$ арш. высоты и представлялъ плоскую, эллипсическую фигуру въ 208 шаг. въ окружности; въ срединѣ его находилась гробница изъ 4 плитъ, затѣмъ стояли къ востоку каменныя бабы, нѣкоторыя поверженныя, другія уцѣлѣвшія: онѣ шли съ запада на востокъ, въ разстояніи 3-хъ, 4-хъ и 6-ти шаговъ другъ отъ друга, и были поставлены, какъ можно предполагать, въ три ряда; въ ряду сохранилось по 4 каменныхъ бабы. Судя по расположенію обломковъ можно думать, что передъ гробницей было 4 ряда каменныхъ бабъ и всѣхъ ихъ было около 16. Отъ этихъ каменныхъ бабъ сохранились головы, туловища, а одна стояла во весь ростъ передъ гробницей, лицомъ къ ней, съ сложенными руками на груди; у другой каменной бабы видно въ рукахъ подобіе сдѣланнаго сосуда или чаши. Кромѣ того, среди обломковъ, находятся головы какихъ-то животныхъ, въ родѣ львовъ, хотя и сильно попорченные временемъ. Уцѣлѣвшія плиты гробницы на могильникѣ имѣли слѣдующіе размѣры:

Западная плита	227	с.	ширины	75	с.	высоты	и	13	с.	толщины.
Сѣверная	» 253	»	»	74	»	»	»	11	»	»
Южная	» 257	»	»	73	»	»	»	12	»	»

Четвертая плита разбита. Западная плита наклонилась на 45°, Сѣверная и южная занесены пескомъ.

Каменныя бабы. Онѣ не имѣли кромѣ головы и плечъ другихъ очертаній; низъ ихъ представлялъ съузившуюся колонну, руки были сложаны на груди, лицо имѣло грубое очертаніе. Статуи эти сильно вывѣтрились. Высота сохранившейся, стоячей, каменной бабы, въ 6 шагахъ отъ гробницы высоту имѣетъ 2 мет. 25 сант., ширину въ плечахъ 41 сант., лицо 55 сант., ширина лица, около глазъ, 30 сант., носъ 18 сант., отъ носа до подбородка 19 сант.

2-я каменная баба: лицо плоское, носъ плоскій, ротъ и глаза означены рѣзкими линіями. Это округленный, на верху четырехгранный столбъ, съ дискомъ лица, и легкимъ обтесомъ у шеи и плечъ; высота 150 с. ширина 29 сант., толщина 29 сант.

3-я каменная баба имѣетъ только очертанія головы. Не смотря на то, что она сильно вывѣтрилась, видны глаза, носъ и ротъ: лицо 43 сант. длины, ширина 28 сант., носъ 15 сант., отъ рта до подбородка $6^1/_2$ сант., отъ темени до переносья 18 с.

4-ая каменная баба. Высота всей фигуры 118 с., ширина въ плечахъ 43 сант., длина лица 44 сант., ширина 27 сант., носъ 15 сант., до подбородка 12 сант. Эта статуя имѣетъ сложенныя руки на груди.

5-я каменная баба, высота 184 сант., въ плечахъ 36 сант., у сложенныхъ рукъ на груди 42 сант., лицо 55 сант., отъ темени до носа 22 сант. носъ 20 сант., ротъ 4 сант., отъ рта до подбородка 13 сант., шея 10 с., отъ сложенныхъ рукъ до подножія 83 сант.; голова сильно вывѣтрилась, но грудь и сложенныя руки, держащія сосудъ, весьма ясны.

Обломокъ 6-ой каменной бабы, отбитый немного ниже груди. Размѣръ въ длину 46 сант., лицо 44 сант., ширина у глазъ 24 сант., носъ 12 сант., отъ темени до глазъ 13 сант., отъ рта до подбородка 14 сант. Нижній обломокъ 6-ой статуи безъ головы, 62 сант. длины, между плечъ 38 сант. Голова 7-ой статуи, длиной 47 сант., ширина лица 39 сант., глаза носъ и ротъ видны, но верхъ головы сильно вывѣтрился. Остальныя фигуры было тщетно измѣрять, такъ какъ онѣ были сильно попорчены и въ обломкахъ. Головы животныхъ (львовъ?) имѣли слѣдующіе размѣры: высота головы съ шеей 18 с., отъ носа до затылочной части 40 сант.; 2-я голова, en face 24 сант., глаза и звѣриная морда весьма опредѣленны. Судя по головамъ и обломкамъ каменныхъ бабъ и теперь можно судить, что ихъ было около 16 — 17 фигуръ. Такой совокупности каменныхъ бабъ, на одномъ могильникѣ, намъ не удавалось видѣть ни прежде, ни послѣ. Несомнѣнно, судя по количеству предстоящихъ камней и окружающимъ гробницы аттрибутамъ, это былъ памятникъ весьма выдающагося лица.

Сочетаніе гробницы и каменныхъ бабъ ставитъ его въ рядъ промежуточныхъ формъ между доисторическими и историческими, тукюэсскими могилами.

Въ этотъ день мы могли пройти менѣе предыдущаго; не болѣе 15 верстъ, и остановились на берегу Тосту-Булака противъ горы Дорбельджинъ.

3-го іюля, съ 6 час. утра до 12, мы сдѣлали переходъ въ 10 верстъ и прошли по долинѣ, до возвышеній Хониту. Тола направлялась къ юг.-зап. Характеръ долины былъ степной, безпрестанно попадались песокъ и галька, виднѣлись широкіе распады горъ и терассы; отдѣляясь отъ каравана и, слѣдуя по этимъ распадамъ и терассамъ, мы вездѣ, около горъ, наталкивались на керексуры; по характеру и типу они походили или были тождественны съ Орхонскими и Усть-Кяхтинскими: тѣ-же насыпи, обведенныя кругами изъ камней или четырехугольниками; около могильниковъ, кромѣ того, въ три рядя шли иногда кольцеобразныя выкладки изъ камней, или небольшіе круги въ 1 арш. въ діаметрѣ. Высота нѣкоторыхъ насыпей на керексурахъ доходила до $^1/_2$ саж., окружность 130 сант., у одного могильника высота насыпи была до 2-хъ метровъ и окружность въ 112 сант. Огромные глыбы камня увѣнчивали подобные могильники и размѣръ этихъ камней доходилъ до 1 мет. 70 сант. Группы могильниковъ заключали до 40 могилъ. Изъ выдающихся могильниковъ мы встрѣтили у подножія гор. Хониту остатокъ гробницы или 4 плитъ, занесенныхъ пескомъ; плиты сохранили однако ромбоидальный узоръ. Плиты надъ поверхностью выдавались не болѣе 7 и 30 сант.; но о длинѣ ихъ можно было судить,—она доходила до 161 сант., 191 с. и 184 с. Попадались между керексурами и четырехугольныя могилы, въ 8 шаг. длины и 4 ширины, съ выдающимися камнями по угламъ.

Отъ Хониту по берегу Толы мимо сопокъ Хоцынъ и Аршокъ мы прошли къ монастырю Наванъ Церена, мимо ставки этого-же Навана, лежащей въ долинѣ Толы (на топографической картѣ этотъ курень названъ Куря Найденъ Сурунъ-Гуна). Рѣка Тола въ этомъ мѣстѣ достигаетъ южнаго своего предѣла и постепенно поворачиваетъ съ юга на сѣверъ; огибая хребетъ, сдавленная горами съ юго-запада, передъ лукою она открываетъ протоки и зеленые острова. Около монастыря Наванъ-Церена, возвышающагося надъ рѣкою, она входитъ въ тѣсныя ворота и дѣлаетъ поворотъ; правый берегъ ея подмытъ и обрывъ доходитъ до 3 саж. Въ этомъ мѣстѣ находится также перевозъ черезъ Толу и на пескѣ лежалъ оригинальный паромъ.

Это были два, едва продолбленныхъ въ видѣ корыта, древесныхъ ствола; одинъ конецъ представлялъ плоскій обрубь, другой имѣлъ загибъ, напоминающій носъ лодки. Эти два продолбленныхъ бревна, скрѣпленныхъ

также досками, скорѣе напоминали большія сани, чѣмъ лодки. Длина его была около 7 аршинъ. Кругомъ насъ по ту и другую сторону Толы лежали возвышенія и сопки. Горы поднимались острыми конусами съ обнаженіемъ сланцевъ и гранитовъ, въ горахъ широкіе распады. Горы обнаженны, растительность скудная: артемизія и золотарникъ, камни покрыты лишайниками, гдѣ были источники, видѣнъ караганникъ. На противоположной сторонѣ Толы мы замѣтили большую, песчанную дюну, гдѣ происходила борьба песка и растительности, — дюна покрывалась золотарникомъ.

Переправившись черезъ Толу, мы остановились въ 4-хъ верстахъ отъ рѣки, въ юртѣ у монгола, знакомаго нашего хозяина. Мы должны были перемѣнить здѣсь верблюда, такъ какъ нашъ оказался слабосильнымъ и больнымъ. Нашъ подрядчикъ далъ намъ самаго худшаго.

У монголовъ мы замѣтили самое безжалостное обхожденіе съ этимъ терпѣливымъ животнымъ. 4-го іюля мы остановились на дневку по случаю дурной погоды. Однако утромъ не утерпѣли и отправились на экскурсію. Н. П. Левинъ отправился осматривать дюну, а я, съ ламой Лекцикомъ, поѣхалъ въ горы по правой сторонѣ Толы, отыскивать большой памятникъ, о которомъ разсказывалъ хозяинъ, говоря, что на немъ есть надпись. Я очень нетерпѣливо желалъ его видѣть и выѣхалъ въ дождь. Спутникъ мой, лама, также былъ проникнутъ желаніемъ розыскать памятникъ.

Люди мои, переводчикъ и лама, весьма скоро усвоили археологическіе инстинкты и горячо помогали въ розыскахъ керексуръ и памятниковъ; конечно здѣсь участвовало и обѣщаніе за хорошую находку получить серебряную монету. Мы долго разыскивали въ горахъ памятникъ и наконецъ открыли его недалеко отъ озера, на склонѣ горы Бюрюкъ-Ундуръ, но увы! это оказался гладкій, гранитный столбъ, хотя и весьма значительной величины, 2 мет. 82 сант. $+ 1^1/_2$ м. Внизу ширина его была 62 с., толщина 21 с., онъ вывѣтрился на верху и походилъ на обелискъ; у подножія были врыты небольшія плиты, окружавшія столбъ съ 4-хъ сторонъ. Эти колонны и загадочные стоячія камни-монументы мы встрѣчали и раньше и послѣ. Трудно опредѣлить ихъ назначеніе: они стоятъ одиноко, иногда на перевалахъ, иногда на терассахъ горъ а иногда, какъ настоящій, въ совершенно незамѣтной мѣстности.

Разочарованнымъ, намъ оставалось теперь воротиться къ стоянкѣ.

Тола была историческою ареною народовъ, какъ и Орхонъ, и всякій памятникъ, оставшійся здѣсь, долженъ возбуждать любознательность.

5-го іюля мы отправились на юго-западъ къ горѣ Уланъ-Хада, гдѣ также, по разсказамъ, на скалахъ, начертаны письмена и знаки. Желаніе увидѣть слѣды человѣческихъ слова и мысли среди этого безмолвія пустыни возбуждаетъ духъ путешественника и изслѣдователя, и влечетъ его невольно

все впередъ и впередъ. Отъ нашей стоянки мы вышли на степное плато, которое постепенно начинало подниматься къ горамъ, но прежде чѣмъ дошли до перевала, часа черезъ полтора по выходѣ съ мѣста, пройдя верстъ 8, я долженъ былъ остановиться, обративъ вниманіе на интересный памятникъ, который былъ покрытъ землей и совсѣмъ исчезалъ съ поверхности. Я замѣтилъ на открытомъ мѣстѣ степи признаки 4-хъ плитъ гробницъ, нѣсколько обломанныхъ гранитныхъ фигуръ и какой-то предметъ, торчащій изъ земли. При подробномъ осмотрѣ я увидѣлъ что это былъ когда-то весьма солидный могильникъ, украшенный различными аттрибутами. Четыре плиты, съ ромбоидальнымъ узоромъ, составляли гробницу, гранитныя фигуры, съ отбитыми головами, изображали сидящихъ людей, наконецъ тотъ предметъ, который высовывался изъ земли, былъ весьма значительной величины каменной черепахой. Мы очистили черепаху отъ земли и благодаря этому могли снять съ нея какъ и съ другихъ фигуръ рисунокъ, чему способствовалъ ясный солнечный день. Могильникъ этотъ, когда-то изящно украшенный, несомнѣнно принадлежалъ по своей формѣ къ Тукюэсскимъ могиламъ, такъ какъ подобныя фигуры и плиты, а также черепахи [1]), были на Тукюэсскихъ, Орхонскихъ могильникахъ.

Окончивъ работу, въ жаркій день, мы поторопились продолжать путь и шли до 7 часовъ вечера, постепенно поднимаясь; путь лежалъ на западъ, мы сдѣлали до 6 небольшихъ переваловъ и прошли около 30 верстъ отъ берега Толы. Путь былъ утомительный, такъ какъ на дорогѣ не встрѣчалось воды и мы и лошади томились жаждой. Около Уланъ-Хада былъ вырытъ колодезъ, выложенный камнями, и мы прежде всего утолили жажду. Уланъ-Хада была довольно живописная скала, среди дикой, горной мѣстности. Пока люди ставили палатку, а нашъ молодой работникъ приготовлялъ себѣ тарбагана (сурка) на ужинъ, мы бросились къ скалѣ отыскивать надписи; найти ихъ было не мудрено: вся скала оказалась изрѣзана загадочными знаками. Большинство изъ нихъ напоминало скорѣе Тамги и родовые знаки; въ одномъ мѣстѣ, среди знаковъ, была фигура животнаго, повидимому изображеніе дикой козы. Среди знаковъ на одномъ камнѣ было вытравлено только одно слово монгольскаго или уйгурскаго шрифта. Слово это, по словамъ грамотныхъ монголовъ, означало: «вѣчность». Смыслъ этаго слова какъ нельзя больше гармонировалъ съ таинственными знаками народовъ, не знавшихъ другаго способа увѣковѣчить себя. И загадочные знаки, и безмолвіе пустыни и дикая скала, все наводило думы о вѣчности, столь-же безмолвной и загадочной. Намъ оставалось только снять эти знаки, что мы

---

1) Черепаха — признакъ Китайскаго вліянія. Ред.

и сдѣлали двойнымъ способомъ, и фотографіей и на рисункѣ. Около Уланъ-Хада, у подножія ея, мы нашли до 6 керексуръ съ круглыми насыпями; одинъ былъ обведенъ четыреугольникомъ изъ камней, съ кольцеобразнымъ узоромъ на углахъ, другіе могильники были съ четырехугольными, стоячими, неправильными плитами и камнями; могильникъ былъ въ 6 и 8 шаговъ и плиты до 2 аршинъ и болѣе.

6-го іюля полдня мы копировали надписи. Наши же люди охотились за тарбаганами, (сурками) причемъ мы видѣли весьма оригинальное приготовленіе пищи нашими монголами. Монголъ снималъ шкурку съ убитаго сурка, очищалъ мясо отъ костей, затѣмъ вновь вкладывалъ въ шкурку, какъ въ мѣшокъ и, раскаливъ нѣсколько каемшковъ на кострѣ, вкладывалъ внутрь шкурки, затѣмъ тщательно закупоривалъ отверстіе и мясо такимъ образомъ жарилось. Охотникъ могъ обходиться такимъ образомъ безъ всякой посуды и кухонныхъ принадлежностей.

6-го іюля, къ вечеру, мы снялись и продолжали путь отъ Уланъ-Хада на Ю.-З.; по пути встрѣчались вывѣтривающіяся скалы, увѣнчивавшія сопки. Дорога поднималась къ виднѣвшейся вдали величественной сопкѣ Онгонъ-Хаирханъ, какъ видно, принадлежавшей къ господствующему хребту между Толой и Харухой. Пройдя 18 верстъ, мы остановились ночевать на перевалѣ Аръ-Уссу, около монгольской юрты; къ сѣверу виднѣлись горы Тонгетъ, верстъ за 5 далѣе сопка Даланъ-Туру Сальхитей (верстъ за 15). Памятниковъ и могилъ на этихъ перевалахъ не было.

7-го іюля мы двинулись далѣе и прошли мимо вершины Онгонъ-Хаирхана; здѣсь были видны выступы мощныхъ и величественныхъ гранитныхъ скалъ. Пройдя съ версту, на перевалѣ, мы увидѣли два стоячихъ, гладкихъ камня, на подобіе четырехгранной колонны; одинъ отъ другаго были на разстояніи полуверсты въ направленіи съ В. на З., куда шла и дорога. Высота одной колонны была 287 сан. или 2 мет. 87 с., у подножія была врыта плита въ 119 сант. длины, 2-ая колонна была въ 2 мет. 3 с., ширины 65 с., другая 20 с. Проѣхавъ три четверти версты, мы увидѣли еще три подобныя же, гладкія колонны правильной, четырехгранной формы; двѣ изъ нихъ стояли, третья, самая большая, была повержена. Поверженная колонна была огромной величины, а именно 4 мет. 21 сант., грани ея шириной 37—42 сант., толщины 22 с. Стоячіе камни были высоты 1 мет 83 с., толщины 134 с. и второй камень 208 с., толщины граней 44 с.

Между стоячими камнями виднѣлась врытая въ землю плита въ 113 с. длины. Направленіе столбовъ съ С.-З. на Ю.-В. Такъ какъ столбы эти находились на перевалѣ, около вершины высокой горы, и въ направленіи дороги, то можно было объяснить ихъ значеніе какъ маяковъ и указателей пути среди переваловъ.

При спускѣ отъ Онгонъ-Хаирхана видны были сопки Дельгиръ и Аршанту; у подножія горъ открывалась обширная равнина или котловина, на которой вдали виднѣлись озера. Проѣзжая по кручамъ при спускѣ отъ Хаирхана, мы встрѣтили, на значительной высотѣ, множество керексуровъ. Они были около скалъ и осыпей. Самое положеніе ихъ на такой высотѣ было необычайно и могло быть объяснено только удобствомъ добывать камень изъ осыпей для увѣнчанія могильника; но грунтъ былъ такъ каменистъ, что думать о копаніи могилы было невозможно. Могильники, кромѣ насыпей, имѣли и четырехугольную ограду, были обставлены высокими и огромными плитами 262 и 203 с. По срединѣ могилы находилась плита, стоящая ребромъ или стоячій камень; четырехугольные могильники были въ 8 и 10 шаговъ. Одинъ могильникъ съ насыпью имѣлъ 80 шаговъ въ окружности, квадратная обкладка, бордюръ изъ камней, равнялась 50 шагамъ по каждой сторонѣ (камни эти обыкновенно не велики); по угламъ были кольцеобразные изъ камней наугольники, и такіе же кольцеобразные круги изъ камней украшали могильникъ.

На спускѣ съ горъ, мой спутникъ, Н. П. Левинъ, сдѣлалъ экскурсію къ равнинѣ, на озера, которыя лежали версты за 3 отъ горъ. Это были солоноватыя озера Ихе-Тукумъ Норъ. Два озера были болѣе значительны и занимали протяженіе версты 3 въ ширину и верстъ около 20 въ длину. Открытая мѣстность эта, среди горъ, была замѣчательна въ географическомъ и топографическомъ отношеніи. Пространство это могло быть полемъ большаго внутренняго бассейна водъ, о чемъ могутъ дать указанія только геологическія изысканія; равнина эта, какъ видно по ауламъ и блуждающему скоту, составляетъ удобное мѣсто для пастбищъ.

Не спускаясь съ возвышеній, мы достигли урочища Долонъ-Туру, гдѣ стояли юрты, и расположились здѣсь на ночлегъ въ 7 час. веч. Пройденное разстояніе отъ Толы равнялось 75 верстамъ. На Долонъ-Туру 8-го іюля мы видѣли въ аулѣ монгольскую свадьбу съ торжественной обрядностью.

Къ сѣверу отъ урочища Долонъ-Туру видны были сопки Дельгиръ, далѣе Аршанту, Арцитъ, Нухэтъ, Огомуръ; эти сопки далѣе соединялись съ хребтомъ Хутухту Нуру.

Продолжая путь мы спустились въ равнину, среди которой лежали соляные озера и направились на Ю.-З. къ большой сопкѣ Бату-Ханъ, виднѣвшейся вдали. Равнина между горъ разстилалась здѣсь на 30 и 40 в. На ней въ разныхъ мѣстахъ видны были улусы и стада. Почва была покрыта дерисуномъ, а также видны были растенія, свойственныя солонцамъ. Особымъ свойствомъ этой мѣстности было то, что она была изрыта полевыми мышами; ямки были такъ часты и глубоки, что лошади наши

безпрестанно проваливались и одинъ изъ спутниковъ нашихъ упалъ съ сѣдла. Пройдя верстъ 20 этой мѣстностью, мы замѣтили протоки или ручейки, оживленные болотной дичью. Протоки эти оказались ручьями и впадали въ рѣчку Джиргаланту-Убуръ, вытекающую изъ горы Батухана и впадающую въ озеро Олонъ-Норъ. Въ виду дождя мы остановились ночевать на этомъ ручьѣ, раскинувъ палатки.

9-го іюля, до полдня, мы пережидали дождь и къ вечеру двинулись далѣе, той-же равниной, пройдя мимо возвышеній, лежавшихъ къ югу за р. Джиргаланту; подлѣ была сопка Хониту. Проводники говорили, что мы найдемъ здѣсь высокій камень; и дѣйствительно, на равнинѣ мы встрѣтили большой стоячій четырехгранный камень, нѣсколько накренившійся. Высота его была 1 мет. 70 с., ширина 50 с. и толщина 13 с. Надписей на немъ никакихъ не было.

Къ вечеру, пройдя не болѣе 10 верстъ, мы подошли къ монастырю Дольценъ-Гегена, лежащему на склонѣ горы Шахатъ. Такъ какъ, при приближеніи къ нему, пошелъ снова сильный дождь, то мы укрылись въ кельяхъ этого монгольскаго монастыря, гдѣ были гостепріимно приняты монахами. Настоятеля не было, но насъ угощала его экономка, сестра его, живущая въ монастырѣ. Мы узнали здѣсь, что къ сѣверу въ 10 верстахъ другой монастырь Ороченъ-Суме. 10-го іюля мы начали подвигаться къ сопкѣ Бату-Ханъ и прошли равниной еще верстъ 10. Наконецъ начался подъемъ къ гор. Бату-Хану; на первомъ подъемѣ мы увидѣли уже двѣ керексурныхъ насыпи, здѣсь-же недалеко нашъ почтенный спутникъ, Н. П. Левинъ, остановился еще на болѣе замѣчательномъ предметѣ. На значительной высотѣ надъ равниной онъ замѣтилъ пласты гины и освидѣтельствовавъ эти пласты, онъ нашелъ въ нихъ остатки раковинъ, прѣсноводныхъ рыбъ и отпечатки растеній. Мѣстность эта представляла такимъ образомъ часть высохшаго, прѣсноводнаго бассейна.

Для насъ же Бату-Ханъ былъ примѣчателенъ еще и тѣмъ, что сохранилъ имя знаменитаго монгольскаго полководца. Мы прошли мимо верховьевъ Джиргаланту и достигли вершины горы; здѣсь мы увидѣли рядъ песчаныхъ дюнъ и изъ подъ одной дюны вытекалъ Джиргаланту-Убуръ. Дюны обратили особенное вниманіе нашего натуралиста, онѣ склонялись къ западной сторонѣ. Мы ночевали около юртъ монголовъ на перевалѣ.

11-го іюля, въ 9 час. утра, мы начали спускаться съ Бату-Хана къ западу и замѣтили, по другую сторону дюнъ, вытекшій, новый ручей или рѣчку, спускающуюся въ западную долину: это былъ 2-ой Джиргаланту, онъ впадалъ въ рѣчку Тонгетъ, которая въ истокѣ носитъ названіе Хорлингъ. Постепенно спускаясь по горной рѣчкѣ, мы встрѣчали альпійскіе луга и прекрасную растительность, между прочимъ можжевельникъ. Онъ

идетъ у буддистовъ для благовоннаго куренія. Спустясь съ горъ и сдѣлавъ верстъ 20, мы остановились на берегу Джиргаланту. При самомъ спускѣ, отдѣльно отъ горъ, стояла скала Тонгетъ; не доѣзжая до нея, на открытомъ полѣ, мы увидѣли памятникъ: это была *каменная баба* и неподалеку керексуръ. Высота каменной бабы была 1 мет. 67 сант. Въ 70 шагахъ отъ нея на западъ находился небольшой четырехугольникъ изъ камней и далѣе, на 23 шага, большой керексуръ, обведенный четырехугольнымъ рядомъ мелкихъ камней, съ кольцевидными наугольниками, затѣмъ рядъ кольцевидныхъ круговъ изъ камней украшалъ могильникъ съ восточной и сѣверной сторонъ. Насыпь керексура была 22 шага въ діамет., съ $^1/_2$ арш. высоты, въ срединѣ керексура подобіе площадки съ 4 камнями отъ 1 до $1^1/_2$ арш.; стороны четырехугольника, ограждающаго керексуръ, 80 и 92 шага. На востокъ отъ каменной бабы въ 59 шагахъ находился четырехугольникъ изъ камней, далѣе въ 28 шагахъ еще двѣ кучки камней. Каменная баба была грубой обдѣлки, у ней ясно обозначено было только лицо.

Отдохнувъ, въ 6 часовъ, мы направились къ виднѣвшейся сопкѣ Моголъ. Долина здѣсь расширялась и съ юга въ Харлынгъ впадала р. Шарлингъ, вытекавшая изъ южныхъ горъ верстахъ въ 10 дальше. Джергаланту же впадалъ въ Хорлингъ и мы достигли его устья въ 8 час. вечера, сдѣлавъ еще 10 верстъ. Къ сѣверу отъ Горы Моголь былъ монастырь. По правую сторону рѣки Джергаланту видны были песчаные дюны, а по лѣвую — рядъ болотъ. Около впаденіе Хорлинга находились темные скалы и близь нихъ найденъ керексуръ. Остановка была сдѣлана въ 9 час. вечера. Отъ Бату-Хана прошли 30 верстъ.

15-го Іюля мы послали нашего хозяина къ Кокшинъ-Орхону на Кошо-Цайдамъ, гдѣ были знаменитые памятники, а также къ Хара-Балгасуну узнать объ экспедиціи, а сами утромъ осматривали недалеко лежащіе слѣды рвовъ и китайскаго поселенія. Эти остатки поселеній лежатъ какъ разъ противъ Эрдени Цзоо, на Кокшинъ Орхонѣ. Одно мѣсто носитъ названіе Хонтвенъ-Хото (?), древняго китайскаго поселенія, другое—остатки вала Дорбельджинъ. Но Хонтвенъ Хото видны остатки китайскихъ домовъ или фанзъ съ ихъ фундаментами; остались слѣды печей и разбросано множество обломковъ китайской посуды и чашекъ. Здѣсь же мы нашли и остатки каменныхъ жернововъ, съ двумя отверстіями, испещреныхъ поперечными линіями. Діаметръ жернова 69 сант., толщина 12. Эти жернова какъ и «*Гуло*» или молотильные катки-остатокъ китайскаго земледѣлія.

Ограда Дорбельджина останавливала наше вниманіе какъ въ первую, такъ и во вторую поѣздку, и мы бывали на немъ по нѣскольку разъ. Не знаю внесъ ли нашъ капитанъ топографъ на планъ остатокъ этого стариннаго

лагеря или крѣпости. Пространство, огороженное валомъ и рвомъ, занимало $1\frac{1}{2}$ версты въ длину и 1 верст. въ ширину; это былъ правильный четвероугольникъ, кругомъ былъ валъ сохранившійся нынѣ, отъ 2 до 3 арш., въ высоту; по одной сторонѣ вала приходилось намъ ѣхать верхомъ шагомъ 10 минутъ и мы насчитывали 600 шаговъ; въ срединѣ площадь была ровная; на В. и на СѢв. видны были ворота, средина внутренней крѣпости или загороди была перерѣзана канавой, въ срединѣ загороди и сѣв. грани видны холмы или насыпи до 3 ар. въ высоту. Виденъ остатокъ протока, проходившаго ко рвамъ изъ Кокшинъ-Орхона.

Опредѣлить назначеніе Дорбельджина и бывшаго около него китайскаго поселенія будетъ любопытно, такъ какъ это укрѣпленіе лежитъ близъ Эрдени-Цзоо, въ 4 верст. на востокъ и въ 25 в. къ югу отъ Уйгурскаго Коракорума.

По имѣющимся историческимъ даннымъ можетъ быть три объясненія:

Во 1-хъ: валъ и арена Дорбельджина можетъ быть были ханской облавой, къ югу отъ Коракорума, о которой упоминается въ Юанской Географіи.

Во 2-хъ—она можетъ быть китайской крѣпостью или лагеремъ около почтовой станціи, такъ какъ исторія говоритъ, что на каждой станціи отъ Холина былъ выставляемъ отрядъ.

Въ 3-ихъ, что болѣе вѣроятно, это остатокъ крѣпости, построенной китайцами около Эрдени-Цзоо. Китайская исторія говоритъ, что въ 13-мъ году Цзюнъ-Ванъ-Фунынъ, отступивъ отъ Улясутая, построилъ крѣпость на с. отъ Эрдени-Цзоо, и она имѣла окружность въ 1528 саж. а высоту стѣнъ въ 14 фут.

16-го іюля я ѣздилъ въ Эрдени-Цзоо, къ старому своему знакомому, ученому Ламѣ, Будд-Цзайсону; онъ принялъ меня ласково, но какъ философъ и буддистъ, нисколько не удивился новому моему появленію на Орхонѣ черезъ два года. Онъ какъ будто мало интересовался нашей экспедиціей, о которой я сообщилъ ему. Всё это было для него преходящее и земное. Много лѣтъ онъ жилъ равнодушный къ событіямъ, даже въ своемъ монастырѣ.

Повидавшись съ нимъ и подготовивъ его къ посѣщенію нашихъ товарищей, я разстался съ нимъ и поѣхалъ съ Федоромъ Осокинымъ на юго-вост. отъ Эрдени-Цзоо, по склонамъ горъ.

Федоръ узналъ отъ пастуха монгола, что на склонѣ горъ, верстъ 10 къ югу, лежитъ какой-то выдолбленный камень и около него другой камень съ надписями. Мы долго искали и наконецъ нашли камень съ впадиной какъ корытце, но эта находка была не важная, только далѣе на склонѣ былъ замѣченъ другой обломокъ изъ бѣлаго гранита, съ китайскими надписями.

Найдя его мы зарыли его до времени, чтобы возвратиться къ нему, и дѣйствительно впослѣдствіи мы сняли съ этого камня эстампажъ и надпись оказалась интересною.

Затѣмъ, возвратясь, мы снарядились въ путь и пошли по Орхону, къ Хара-Балгасуну, навстрѣчу экспедиціи, которая еще не прибыла.

16-го мы остановились на берегу Орхона не доходя Хара-Балгасуна; въ долинѣ, между Эрдени-Цзоо и Хара-Балгасуномъ, мы обратили вниманіе на множество «*було*», катковъ изъ гранита для молотьбы, ихъ было 23, они лежали на полѣ, гдѣ когда то были монгольскіе пашни.

17-го іюля мы узнали о прибытіи экспедиціи къ Хара-Балгасуну. Мы двинулись съ Н. П. Левинымъ и людьми съ нашей станціи; отъ Хара-Балгасуна мы были верстахъ въ 15. На дорогѣ здѣсь остановилъ наше вниманіе камень, имѣвшій видъ шлака, и когда мы разсматривали его, я нашелъ изъ такого камня цѣлый керексуръ, онъ былъ сдѣланъ изъ *лавы*, имѣвшей здѣсь выходы. Лава какъ на Орхонѣ, такъ и на Онгинѣ выходила наружу цѣлыми полосами и изъ нея дѣлались могильники. Не берусь рѣшать, но не отъ этого ли *чернаго камня* произошло и названіе *черной осыпи*— Кара-Корумъ?

Въ $12^1/_2$ часовъ дня 17 іюля, завидя нашъ отрядъ на Хара-Балгасунѣ, мы пустили лошадей вскачь и радостно привѣтствовали нашихъ товарищей и начальника экспедиціи. Члены экспедиціи пришли наканунѣ, и сдѣлали путь отъ Урги въ 20 дней пройдя мимо Угей-Нора.

Около этого заброшеннаго *Хара-Балгасуна*, какъ выяснилось — Уйгурскаго Каракорума, теперь сосредоточилось все вниманіе экспедиціи.

Здѣсь мы нашли оживленную картину лагеря, расположившагося въ самыхъ развалинахъ. Между валами раскинуты были палатки, и поставлена юрта начальника экспедиціи, въ другой сторонѣ были палатки казаковъ, походная кухня, пылали костры, привязаны были лошади и верблюды. Мы расположились здѣсь какъ дома. Вѣроятно эти заброшенныя и пустынныя развалины съ XIII ст. не видали подобнаго оживленія. Въ резиденціи могущественныхъ великихъ хановъ VII и VIII ст., на мѣстѣ, гдѣ чрезъ нѣсколько вѣковъ совершились великія событія Монгольской эпохи, теперь явились гости. Я припоминаю здѣсь наши разговоры во время нашей полукочевой жизни, въ которыхъ въ увлекательной бесѣдѣ нашего уважаемаго начальника интересъ къ древнѣйшей исторіи Азіи, приковывалъ наше вниманіе и затѣмъ смѣнялся иногда живыми бесѣдами о Европейскихъ дѣлахъ.

Всякое утро мы переходили черезъ валъ и около огромнаго, разбитаго гранитнаго обелиска сохранившаго, уйгурскія, китайскія и руническія тюркскія надписи, шла кипучая работа, здѣсь выбивались эстампажи, дѣлались рисунки, снимались фотографіи.

Иногда пріѣзжали любопытствующіе монголы, останавливались проходящіе въ Эрдени-Цзоо богомольцы или посѣщали офиціально нашъ лагерь монгольскіе, родовые начальники, увѣдомленные предписаніемъ изъ Пекина о прибытіи экспедиціи и оказаніи ей содѣйствія. Несмотря на дружескій пріемъ и угощенія, которыми пользовались у насъ пріѣзжіе сановники, монголы однако зорко слѣдили за нашей жизнью. Историческая любознательность была чужда этому племени, застывшему въ своемъ полудикарскомъ состояніи и утерявшему воспоминанья о подвигахъ и славѣ ихъ предковъ; они относились равнодушно къ тѣмъ памятникамъ, которыми мы занимались. Впослѣдствіи монгольскія власти оказали даже препятствія экспедиціи при попыткахъ раскопокъ на Кото-Цайдамѣ. Чтобы не тревожить монголовъ и не возбуждать ихъ подозрѣній, въ Хара-Балгасунѣ не дѣлалось раскопокъ; мы работали снимая надписи и описывая развалины. Мнѣ пришлось только освидѣтельствовать и осмотрѣть нѣсколько ямъ, разрытыхъ ранѣе и я находилъ въ нихъ кирпичи, остатокъ глинобитныхъ стѣнъ, остатки дерева, связывавшаго строенія, алебастровые карнизы, остатки штукатурки, много угля и головешекъ, показывавшихъ, что зданія въ срединѣ погибли между прочимъ и отъ огня.

Множество кирпича, черепицы, гранитныхъ досокъ и пьедесталовъ свидѣтельствуетъ о грандіозности этого дворца и зданія внутри ограды.

Такъ какъ въ настоящее время несомнѣнно признано экспедиціей, что Хара-Балгасунъ, судя по памятникамъ, былъ Уйгурской столицей Буку-Хана, то возобновить представленіе объ этой постройкѣ будетъ весьма любопытно и мы полагаемъ, что когда нибудь здѣсь предприняты будутъ раскопки. Настоящая же экспедиція на такую работу не имѣетъ средствъ. Несомнѣнно, что монголы при завоеваніи заняли Уйгурскій городъ, о чемъ говорятъ многіе источники и здѣсь можетъ быть были построены между прочимъ также дворцы, монастыри или зданія монголовъ. (О постройкѣ пагоды при Мунку-Ханѣ въ 5 ярусовъ упоминаетъ и многоуважаемый начальникъ нашей экспедиціи), но болѣе подробныя, историческія данныя объяснятъ конечно историческое значеніе Хара-Балгасуна и его отношенія къ Эрдени-Цзоо.

Во время нашей первой экспедиціи на Орхонъ, къ Хара-Балгасуну, объѣхавъ его окрестности и видя раскинувшіеся кругомъ валы, мы боялись преувеличить размѣръ площади, гдѣ сохранились слѣды огромнаго города; но теперь, по показанію топографа она должна быть признана не менѣе 8 верстъ въ длину. Подробная съемка валовъ и рвовъ, по удостовѣренію нашего топографа, здѣсь потребовали бы нѣсколько мѣсяцевъ. При объѣздѣ насчитано было до 30 валовъ, шедшихъ въ разныхъ направленіяхъ, до 12

правильныхъ каре изъ валовъ; нѣкоторыя насыпи простирались на 200 и на 300 шаговъ. *)

Вмѣстѣ съ Д. А. Клеменцемъ, во время нашего пребыванія здѣсь, мы объѣзжали окрестности Хара-Балгасуна и мнѣ поручено было снятіе эстампажа съ камня, находившагося на берегу Джерманты, противъ кумирни Бейсенъ-Хуре.

Недалеко отъ этого памятника, на берегу Джерманты, на скалахъ мы обнаружили также вырѣзанныя фигуры козловъ, что относится къ доисторическимъ древностямъ. Не можемъ не упомянуть, что при разъѣздахъ, на степи около Хара-Балгасуна, была отыскана каменная баба.

Различныя развалины въ окрестностяхъ Хара-Балгасуна, какъ напр. могильникъ къ югу отъ Цаганъ-Нора, остатокъ строеній Тойтенъ, а также другія постройки, какъ Таиджинъ-Чоло на Угей-Норѣ, придется приноровлять конечно къ различнымъ историческимъ эпохамъ и пребываніе въ долинѣ Орхона еще разъ убѣдило меня, что для историко-географическихъ изслѣдованій и догадокъ здѣсь предстоитъ обширное поприще, даже на сѣверъ и на югъ отъ Коракорума было нѣсколько дворцовъ и городовъ.

При экспедиціи, въ лагерѣ около Хара-Балгасуна мы находились до 28 іюля. Здѣсь былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ нашихъ маршрутовъ и мнѣ поручено было начальникомъ экспедиціи отправиться на югъ, въ южный Хангай на р. Онгинъ, Таца-Голъ и Туинъ-Голъ осмотрѣть по дорогѣ могилы, а также для розыска памятниковъ съ надписями и остатковъ развалинъ, которые, по показаніямъ путешественниковъ, находились на границѣ Гоби у склоновъ Хангая.

28 іюля главныя силы экспедиціи съ начальникомъ, академикомъ В. Радловымъ, направились къ Кошо-Цайдаму, гдѣ были открыты нами въ 1889 г. Тукюэсскіе могильники. Д. А. Клеменцъ, по условленному плану, отправился на сѣверъ, на Ханынъ-Голъ и Селенгу, чтобы пройти чрезъ Соіотскую землю къ Минусинску, мнѣ предстоялъ путь на югъ.

Взявъ съ собою прежняго переводчика моего, Ѳедора Осокина и того же проводника Монгола — Лекцика, съ вьючнымъ верблюдомъ и верховыми лошадьми мы пошли къ Кокшиинъ-Орхону отдѣлившись отъ экспедиціи. На 29 іюля мы ночевали въ болотистой мѣстности и на другой день прибыли на оставленную нами монгольскую станцію, на Кокшинъ Орхонѣ. По дорогѣ, въ долинѣ, мы встрѣтили любопытное зрѣлище: молодой Гегенъ изъ Эрдени-Цзоо въ одномъ изъ ауловъ устраивалъ свое лѣтнее

*) Мы удостовѣрились въ первую поѣздку, что остатки валовъ и жилищъ тянулись далеко къ Сѣверу и на Западъ отъ Хара-Балгасуна и у подножія Эрдени-Ола былъ остатокъ китайскаго поселенія.

partie de plaisire. Мы видѣли его въ богатомъ майханѣ (палаткѣ), окруженнаго свитой изъ ламъ. Монголы стояли передъ нимъ шпалерой, съ чашками кумыса и пѣвчіе пѣли пѣсни, у входа толпились молодыя женщины въ праздничныхъ нарядахъ.

30 іюля, на почтовой станціи, мы начали снаряжаться въ дальнѣйшій путь, размѣнивали ямбы у китайцевъ торговцевъ въ Эрдени-Цзоо и купили нѣсколько чаю и китайскаго леденцу. Эти китайскія лавки единственное мѣсто, гдѣ путешественникъ находитъ въ Монголіи нѣкоторые необходимые припасы, чай, ткани и даже китайскія сальныя свѣчи; свѣчи часто истощаются у путешественниковъ и тогда приходится изобрѣтать освѣщеніе и свѣтильники. Мой слуга научился прекрасно приготовлять свѣчи, выливая сало въ трубку бумаги, но эти свѣчи выходили колоссальной величины. У китайцевъ же можно найти сухари, которые были для насъ большимъ лакомствомъ. Въ эту, нашу экскурсію мы отправлялись уже съ меньшимъ запасомъ провіанта и насъ выручали по дорогѣ китайскія лавки и торговцы близъ монастырей.

31 іюля на станціи на Кокшинъ-Орхонѣ насъ застало ненастье, мы просидѣли день въ юртѣ, и двинулись 1-го августа. Прежде всего, по совѣту съ монголами и съ нашими проводниками, я рѣшился взять еще одного проводника изъ монголовъ до владѣній Сайнъ-Нойена. Но такъ какъ наемъ проводника и отысканіе его было бы затруднительно, то я рѣшился обратиться въ сосѣдній ямунъ или монгольское полицейское управленіе, показать свои бумаги и попросить надежнаго человѣка. Такой проводникъ важенъ и въ томъ отношеніи, что при немъ не могли отогнать и украсть лошадей, какъ если бы мы были одни. Ямунъ находился на Орхонѣ верстъ на 8 къ югу, куда я и заѣхалъ. Здѣсь я былъ вѣжливо принятъ монгольскимъ чиновникомъ, онъ сообщилъ, что имѣетъ офиціальную бумагу о нашей экспедиціи и охотно согласился дать проводника, но онъ долженъ будетъ смѣниться въ другомъ ямунѣ, такъ какъ безсмѣнно проводника онъ дать не въ правѣ и это затруднительно. Я согласился на эти условіи. Вслѣдствіе этого по пути намъ приходилось заѣзжать въ ямуны и смѣнять проводниковъ. Обстановка этихъ ямуновъ была одна и та же: въ обширной Юртѣ помѣщалась канцелярія и архивъ, нѣсколько мальчиковъ писцовъ писало кисточками по китайской бумагѣ, старшіе засѣдали около начальника ямуна въ китайской курмѣ. Большею частью начальниками были грамотные ламы, такимъ образомъ духовное лицо выполняло здѣсь и полицейскую службу; такъ какъ ламы единственное грамотное и образованное сословіе въ Монголіи, то это было естественно. Къ обстановкѣ ямунской юрты относились и орудія наказанія. Всегда можно было видѣть у входа и среди рѣшотокъ юрты бамбуковыя пластины или линейки, кожаныя подошвы, которыми бьютъ

по щекамъ, мѣшки съ пескомъ, палки въ родѣ вальковъ для наказанія и т. п. Тѣлесныя наказанія, какъ разсказывали намъ монголы, отличаются жестокостью, а при допросахъ существуетъ пытка напр. стягиванье ноги или черепа веревкою, ремнемъ и закручиванье причиняющее невыносимую боль; около ямуна или недалеко отъ него помѣщается и тюрьма или юрта съ арестантами. Мы видѣли ихъ во многихъ ямунахъ. Слѣдственные, подсудимые и отбывающіе наказаніе сидятъ вмѣстѣ. Часть изъ нихъ, въ предупрежденіе побѣговъ, прикрѣплена къ бревну, въ которомъ сдѣланы отверстія для ногъ, бревно для этого распилено было на двое и смыкалось. Прикованный не могъ двигаться съ мѣста на мѣсто. У другихъ были кандалы на ногахъ, до 3 пуд. вѣсомъ у третьихъ тяжелая шейная цѣпь не менѣе пуда. Арестантовъ не брили и ихъ длинные волосы составляли непривычную причёску для монгольскихъ лицъ. Заключенные обращались съ сложенными руками и молящими взорами ко всѣмъ, кто приближался къ ихъ юртѣ и просили подаянія. Полицейскія власти не считали нужнымъ кормить постоянно арестантовъ, поэтому они часто голодали. Мы узнали, что заключеніе иногда длится по нѣскольку лѣтъ, такъ какъ монгольскія слѣдствія и переписка длятся весьма долго и люди ждутъ приговора по 5 и 8 лѣтъ. Кодексъ уголовный въ Монголіи китайскій и для казни преступника отправляютъ въ китайскіе города. Сцены около ямуновъ открывали обратную, неказистую сторону монгольской гражданской жизни и составляли другую сторону кочевой идилліи.

Получивъ обѣщаніе, что проводникъ будетъ снаряженъ и дѣйствительно догонитъ насъ, мы присоединились къ нашему каравану и пошли къ югу перейдя въ бродъ Кокшинъ-Орхонъ, который составлялъ здѣсь мелкую рѣчку саженъ въ 3 — 5 шириной. На западъ отъ насъ тянулись горы *Шанхо*, примыкавшія къ Эрдени-Цзоо; Шанхо тянется почти на 25 в. къ Югу, подходя къ самому Барунъ-Хуре и составляетъ видный отрогъ южнаго Хангая; чрезъ Шанхо идетъ дорога въ Эрдени-Цзоо. Горы *Шара-Адзирга*, которыя примыкаютъ съ Юга къ Эрдени-Цзу, по показаніямъ Г. Позднѣева, мы не встрѣтили. Мы шли долиной Кокшина, налѣво отъ насъ, къ востоку тянулись пологія предгорья и открывали распадъ и долину въ которой виднѣлось озеро Шара-Буритей. На 20 верстѣ Кокшинъ круто поворачиваетъ съ Ю В. на Ю., мимо скалы, и теченіе его превращается въ горную рѣку, съ востока его тѣснятъ скалы Джиргалантей. Изъ ущелья открывается видъ на югъ съ высокими сопками и хребтомъ Дуланъ вдали. Пройдя мимо скалъ мы остановились на ночлегъ около монастыря Барунъ-Хуре. На утро 2-го августа мы посѣтили и самый монастырь. Это былъ одинъ изъ богатыхъ монастырей Монголіи, онъ основанъ 150 лѣтъ назадъ, имѣетъ 12 кумиренъ и до 1.500 монаховъ. Къ югу отъ монастыря въ Кокшинъ Орхонъ

впадали съ Зап. небольшая рѣчка Ольдзютъ-Голъ, а съ Вост. Сорынъ-Голъ, затѣмъ верховье Кокшина исчезаетъ на востокѣ въ Горахъ-Дуланъ и Табунъ-Цаганъ: притокомъ его съ Юга появляется р. Хабцилъ, по которой намъ предстояло двигаться. Около полдня мы перешли въ бродъ чрезъ рѣчку Харцитъ впадающую въ Хабцилъ съ Юго-Запада, по правую и лѣвую сторону Хабцила лежали сопки Оботей и Табутъ-Цаганъ, за Харцитомъ начался перевалъ и на этомъ перевалѣ мы нашли *Обо* или насыпь изъ бѣлаго камня повидимому мрамора, вскорѣ открытъ былъ въ близи и керексуръ. При подъемѣ отъ Хабцила на террасу горы Ацъ, мы увидѣли рядъ гранитныхъ, указательныхъ камней сопровождающихъ керексуры, наконецъ и самый керексуръ, съ возвышенной насыпью, обведенный камнями и съ кольцеобразными углами. Такъ какъ мы подвигались съ Орхона на Онгинъ, то появленіе керексуръ въ этихъ долинахъ было нагляднымъ указаніемъ распространенія на Югъ памятниковъ того же древняго народа, вмѣстѣ съ его кочевьями или передвиженіями.

Въ $3^1/_2$ часа дня мы остановились на отдыхъ въ живописномъ ущельи противъ горъ Дуланъ. Здѣсь выступали дикія скалы съ причудливыми гребнями, кое гдѣ среди скалъ появлялась сосна, мы стояли въ долинѣ рѣчки. Отдыхъ среди этой, живописной мѣстности вознаграждалъ усталость, изъ долины доносилось блеяніе стадъ. Въ ущельи на остановкѣ мы также видѣли керексуры опредѣленно выступившіе. Снялись въ 6 час. съ стоянки и шли до 9 час. вечера сдѣлавъ болѣе 30 в. Остановились на ночлегъ на урочищѣ *Эрмекте* на берегу ручья Эрмекте—булукъ, впадающаго въ Хабцилъ съ З., къ югу-востоку отъ Дулана тянулись горы Асхете и Яганъ Обо.

3-го августа ночлегъ былъ у монгола, весьма зажиточнаго ламы, онъ перекочевалъ сюда изъ Гоби, перекочевка длилась 20 дней; въ Гоби, какъ онъ говорилъ, еще жарко. У него мы видѣли въ юртѣ соль и на вопросъ, откуда ею пользуются, онъ сказалъ, что изъ озера Баинъ-Цагонъ-Нора. 3-го августа мы вышли съ урочища въ $7^1/_2$ час. утра. Долина расширялась до $1^1/_2$ версты, мы начали подниматься на перевалъ Олонъ-Даба, возвышенія надъ переваломъ назывались Эмекте и Саитъ, съ востока въ Хабцилъ впадалъ ручей Акъ-булукъ. Здѣсь мы увидѣли, что Хабцилъ-Голъ, съ юга огибая Саитъ, исчезаетъ въ горахъ, гдѣ недалеко находятся его истоки у горъ Хонхоръ. Съ перевала мы спустились и увидѣли небольшой монастырь князя *Ильденъ-Бейли* недалеко находился и полицейскій ямунъ, гдѣ нужно было перемѣнять проводника. Горы пересѣкалъ ручей Горохонъ-Голъ, направлявшійся съ Ю. З. къ С. В. Остановившись до 4 час., мы продолжали путь на перевалъ Олонъ-Шанага. Около сопки Шире-Энгыръ мы встрѣтили ручей Ширенъ-Голъ, который соединялся съ другимъ Горхонъ-Голъ, а послѣдній вытекалъ изъ озеръ Бурдынъ-Норъ около горы Джиргалану. Какъ

озеро такъ и ручьи лежали на высокомъ плоскогорьи. Мы остановились на ночлегъ въ этой высокой и сырой мѣстности сдѣлавъ около 30 верстъ.

Ночлегъ съ 3 на 4 августа былъ у дзасака Найчженъ. На утро начался новый перевалъ; на водораздѣлѣ, на западѣ открывался значительный хребетъ Дзунъ-Дуланъ-Нуру и вдали у подножья его видно было озеро версты въ 4 длиной, которое назвали намъ *Сангинъ-Далай;* озеро это соленое. Перейдя чрезъ перевалъ Бурдынъ-Обо мы опять остановились у полицейскаго ямуна дзасака Це-Гуна и затѣмъ пошли далѣе на югъ; здѣсь начался цѣлый рядъ предгорій и приходилось идти перевалами; мѣстность была на протяженіи 25 в. безводной, только на послѣднемъ перевалѣ Огомыръ встрѣченъ колодецъ и небольшой ключъ по правой сторонѣ; на западѣ были встрѣчены, во время этого пути, сопки Базой, Хонхоръ, Толынъ—тологой; здѣсь перевалъ, называемый Эрхитъ Огомыръ-Даба, и потомъ высокое скалистое возвышеніе Баинъ-Уланъ у самаго Онгина. По другую сторону рѣки на востокѣ были возвышенія Долонъ-Хаирханъ, Майхантей, Баргинъ и Берхе, подходящія къ Онгину. Всѣ горы были безлѣсны и представляли рядъ террасъ и переваловъ къ Онгину. На этомъ проходѣ кочевниковъ почти не встрѣчалось, они были на кочевкѣ южнѣе. Могильники мы встрѣтили ихъ только на Хонхорѣ т. е. при спускѣ. Былъ керексуръ весьма значительный; на Баинъ-Уланѣ нашли нѣсколько стоячихъ камней въ четыреугольникѣ. Вскорѣ мы убѣдились въ существованіи керексуровъ и памятниковъ по Онгину. Спустясь съ горъ предъ нами открылась долина Онгина, онъ протекалъ съ запада на востокъ, поперекъ нашего пути. Мы вышли на него въ нѣсколькихъ верстахъ ниже ставки Сайнъ-Нойена. Путь до Онгина занялъ три большихъ перехода, послѣдній переходъ былъ около 35 в.; весь путь отъ Орхона этотъ равнялся 95 в.

Рѣка Онгинъ въ этой мѣстности представляла горную рѣчку съ весьма быстрымъ теченіемъ, ширина ея 10 саженъ, дно каменисто, правый берегъ съ уваломъ, лѣвый, болѣе пологій, открывалъ широкую долину. Горы подходили ближе къ лѣвому берегу. Возвышенности около Онгина образуютъ скалы, но сопки большею частью крышеобразны и пологи. Особенно выдвигается скала Баинъ-Уланъ, около него, у подножія скалъ, находилось нѣсколько большихъ керексуровъ. При осмотрѣ долины, въ 1 верстѣ отъ берега, мы встрѣтили четыреугольный валъ и ограду въ 140 шаговъ сторона, одинъ бокъ обставленъ былъ камнями, какъ около керексура, внутри вала находилась возвышеніе; найдены были гранитныя плиты, но совершенно вывѣтрившіеся и не представлявшіе никакихъ слѣдовъ надписей; около плитъ мы видѣли черепицу. Судя по валамъ и расположенію камней здѣсь былъ какой то памятникъ или часовня. Въ полуверстѣ отъ Онгина также встрѣченъ былъ каменный столбъ, стоячій ка-

мень высоты 90 сантим., шир. 42 с., толщин. 20 с., на немъ сохранился только одинъ символическій знакъ кругъ, раздѣленный на перекрестъ линіями; остальныя фигуры вывѣтрились.

Мы остановились на р. Онгинѣ до утра у монголовъ. На наши разспросы, гдѣ они считаютъ истоки Онгина они указывали на Субуръ-Хаирханъ, то есть на ту же гору, откуда по другую сторону вытекалъ и Орхонъ. По Онгину располагаются кочевки монголовъ и по нему они перекочевываютъ въ Гоби, гдѣ бываетъ много травъ; осенью засухи заставляютъ монголовъ перекочевывать на Сѣверъ, на склоны Хангая. Такимъ образомъ въ этихъ мѣстахъ происходитъ постоянное передвиженіе населенія. Перекочевки монголовъ здѣсь весьма значительны, на 20 и 30 переходовъ.

5-го августа мы должны были отправиться вверхъ по Онгину, чтобы достигнуть ставки Сайнъ-Нойона. Здѣсь проводникъ насъ оставилъ и мы должны были слѣдовать дорогой по разспросамъ. Намъ пришлось прежде всего перейти въ бродъ Онгинъ. Ни по правой ни по лѣвой сторонѣ Онгина пройти по берегу было невозможно, потому что здѣсь примыкали скалы Баинъ-Улана и съ другой стороны Боргасунъ Ундура.

Путь нашъ долженъ былъ направиться прямо на югъ, въ горы, а затѣмъ уже ущельемъ поворотить на Онгинъ. Перейдя рѣку и оставивъ на западѣ скалы Боргасунъ-Ундура въ первыхъ предгорьяхъ долины, мы остановились чрезъ полъ часа около горячихъ ключей, гдѣ была ламайская часовня и ванны. Здѣсь мы встрѣтили нѣсколько ламъ, которыхъ разспросили объ источникѣ. Это были сѣрные ключи и, какъ видно здѣсь, лѣчились монголы съ сыпями и сифилитики, это было видно по больнымъ. Отъ сѣрныхъ ключей мы начали подниматься на террасу горъ *Арцохётей*, горы эти представляли массу гранитныхъ обнаженій и разрушеній, до такой степени причудливыхъ, представляющихъ насыпи, столбы, подобія развалинъ, что мы не могли не назвать эту мѣстность «гранитнымъ городомъ». На первый взглядъ можно было подумать, что всѣ это громадные керексуры и многія разрушенія напоминали ихъ; но при тщательномъ обслѣдованіи приходилось убѣдиться, что здѣсь множество естественныхъ обломковъ скалъ и вывѣтривающейся породы. Тѣмъ не менѣе среди этихъ гранитныхъ разрушеній мы отыскали и настоящіе керексуры, также какъ стоячіе камни обложенные четырьмя характерными плитами; одна изъ такихъ плитъ, съ закругленной вершиной была 1 метръ 96 с. высоты, 75 с. ширины и 33 с. толщины; каждая изъ нижнихъ плитъ имѣла 176 сант. въ длину другой подобный же стоячій камень, нѣсколько накренившійся имѣлъ высоты 141 с. шир. 62 толщины 25 с.

Могильники на перевалѣ имѣли круглую и четыреугольную форму съ насыпями или стоячими камнями, камни эти были по угламъ могильника и

достигали высоты отъ 1 метра 20 с. до 1 метра 55 с.; ширина 45 с., плиты на боку могильника 131 с. Естественно, что эти могильники были на осыпяхъ, гдѣ сама природа, разрушая, скалы дала природный матерьялъ и готовые монументы этой горной природы какъ бы послужили образцомъ для сооруженій искусственныхъ. Перейдя перевалъ Аръ-цохётей, мы начали повертывать на западъ и шли ущельемъ, въ которомъ сохранилось русло ручья; этимъ ущельемъ мы вышли на Онгинъ въ $5^1/_2$ ч. сдѣлавъ обходъ около 25 в. Онгинъ здѣсь протекалъ въ тѣснинѣ, скалы здѣсь такъ сближались, что для достиженія открытой долины, куда слѣдовалъ нашъ путь, мы должны были съ большимъ трудомъ лѣпиться съ лошадьми и верблюдомъ по узкой тропинкѣ въ разщелинѣ скалы. За этой скалой зато сразу открывалась привольная долина съ виднѣющимся вдали монастыремъ, резиденціей Сайнъ-Нойена и юртами монголъ. Мы остановились за версту отъ монастыря, въ юртѣ бѣдняковъ, которые часто ютятся около монастырей. Утомленные дневнымъ переходомъ мы рады были всякому пріюту и позаботились прежде всего объ ужинѣ, такъ какъ шли цѣлый день безъ всякой пищи.

6-го августа. На утро мы прежде всего оріентировались въ долинѣ Онгина, лежавшей передъ нами. Она была довольно широка, версты въ 3, между горами, по выходѣ изъ ущелья. Онгинъ удалялся на сѣверо-западъ, впереди него, вдали на западѣ виднѣлся высокій хребетъ *Хангай-Нуру*, ближе къ монастырю подходили сопки *Джиргалынту*, у ихъ подножья находился монастырь, въ верстѣ отъ Онгина, по другой сторонѣ, виднѣлись горы *Яманъ-Корумъ* (эти названія *Корумовъ* или Хорумовъ были всегда для насъ примѣчательны, какъ напоминанія древняго названія Хара-Корума), другая гора, подходившая къ рѣкѣ съ сѣвера была *Хоринъ-Шохо*, на В. скала *Башъ* а къ югу отъ монастыря были горы *Харачилутей*. Монастырь и кумирня находились въ полуверстѣ отъ насъ, мѣстность гдѣ мы стояли была сырая и около виднѣлись небольшія болотца, далѣе къ горамъ мѣстность была болѣе камениста и при нашихъ разъѣздахъ мы увидѣли здѣсь опредѣленно выступившія обнаженія лавы, изъ нея были сдѣланы всѣ *керексуры*.

Мѣстность была совершенно безлѣсная и только въ бинокль около Хангай-Нуру мы замѣтили признаки лѣсистаго склона. Около монастыря было раскидано нѣсколько бѣдныхъ юртъ, и въ верстѣ отъ монастыря находились китайскія лавки и торговцы, которыхъ мы послѣ посѣщали.

Разспрашивая о Сайнъ-Нойенѣ, губернаторѣ, гобійскаго раіона *) и на-

*) Мы не знаемъ, почему авторъ называетъ Сайнъ-Нойена Гобійскимъ губернаторомъ? Далеко не вся Гоби входитъ въ его аймакъ. Сайнъ-Найенъ, какъ извѣстно, одинъ изъ четырехъ Халхасскихъ хановъ и названіе — гобійскій губернаторъ (Гобійнъ амбань) въ его титулъ не входитъ. *Ред.*

чальникѣ монголовъ, мы узнали, что онъ живетъ около монастыря, въ особомъ домѣ и близъ монастыря же находится *ямунъ* или управленіе. Мы рѣшились немедленно же отправиться и предъявить свои бумаги а также просить, чтобы намъ данъ былъ проводникъ. Въ то же время Федоръ Осокинъ и рабочій Лекцикъ указали мнѣ, что верблюдъ нашъ болѣнъ, спина его была стерта; у этихъ животныхъ раны не скоро заживаютъ, и часто въ нихъ появляется гніеніе и черви. У лошадей были разбиты ноги и копыта отъ трудной каменистой дороги въ горахъ. Поэтому мнѣ предстояло похлопотать также о перемѣнныхъ лошадяхъ на станціяхъ къ Туинъ-Голу, куда путь лежалъ чрезъ горы и представлялъ еще болѣе трудностей. Сборы мои къ монгольскому начальству были не долги, формы и отличій я не имѣлъ, на всякій случай я повѣсилъ на себя только револьверъ. Писемъ къ Сайнъ-Нойону я не имѣлъ, но у меня былъ открытый листъ отъ нашего консула въ Ургѣ и заграничный паспортъ. Явившись въ ямунъ я встрѣтилъ здѣсь начальника ямуна съ помощниками. Это былъ молодой и весьма вѣжливый лама. Онъ меня принялъ и послѣ обычнаго привѣтствія, угощенія изъ китайской табакерки (которую я нарочно для этого бралъ съ собою) я изложилъ цѣль своего пріѣзда и свои просьбы, наконецъ я заявилъ, что эти же просьбы я намѣренъ передать и почтенному Сайнъ-Нойену, и при этомъ прибавилъ что я желалъ бы лично его видѣть. Свиданье съ главнымъ администраторомъ для меня было важнѣе, чѣмъ съ его подчиненными.

Начальникъ ямуна, внимательно выслушавъ меня, сказалъ, что онъ пойдетъ и передастъ о моемъ пріѣздѣ Сайнъ-Нойену; я остался ждать въ ямунѣ, а пока началось обычное угощеніе чаемъ. Чрезъ четверть часа возвратился чиновникъ и сообщилъ, что о нашей экспедиціи уже имѣются у нихъ бумаги изъ Улясутая и Урги и что для насъ будетъ сдѣлано всё возможное, люди и проводники будутъ даны и что даже для услугъ будутъ присланы двое и даже трое полицейскихъ монголовъ. Я отвѣтилъ, что такого количества людей мнѣ даже и не нужно, что достаточно проводника, когда мы двинемся въ путь. Затѣмъ, относительно перемѣны лошадей на станціяхъ или полученія здѣсь лошадей, чиновникъ не далъ рѣшительнаго отвѣта сказавъ, что онъ извѣститъ объ этомъ послѣ. Затѣмъ передалъ извиненія Сайнъ-Нойона, что онъ не можетъ принять меня, по *нездоровью*; я выразилъ съ своей стороны сожалѣніе. Прощаясь съ начальникомъ ямуна я въ заключеніе передалъ ему о своемъ намѣреніи посмотрѣть монастырь. На это послѣдовало его замѣшательство и онъ сказалъ, что у нихъ посѣщенія монастыря иновѣрцами не принято, такъ напр., живущіе китайцы не допускаются въ монастырь. Я съ своей стороны замѣтилъ, что я не въ первый разъ посѣщаю ламайскіе монастыри, былъ въ Эрдени-Цзоо, въ Барунъ-Хуре и вездѣ, какъ мнѣ, такъ и другимъ членамъ экспедиціи

препятствій не ставилось и намъ охотно показывали кумирни. Я добавилъ, что при осмотрѣ мы умѣемъ относиться съ уваженіемъ къ чужой святынѣ и никакого повода сожалѣть о данномъ разрѣшеніи не подадимъ. Чиновникъ хотѣлъ и объ этомъ справиться и дать знать, но предупредилъ, что осмотръ можетъ быть только внѣшній безъ входа въ кумирни, такъ какъ послѣднее для здѣшнихъ монаховъ будетъ непріятно.

Я былъ далеко неудовлетворенъ этимъ свиданіемъ не получивъ опредѣленнаго отвѣта. Вопросъ о перемѣнѣ лошадей былъ для меня важенъ, что бы обезпечить скорѣйшій выѣздъ далѣе. Мнѣ обѣщали для прислуги полицейскихъ, въ которыхъ я не особенно нуждался, но ничего не сказали о содѣйствіи для дальнѣйшаго пути. Наконецъ свиданье съ Сайнъ-Нойеномъ было отклонено. Между тѣмъ его «нездоровье» было крайне сомнительно, такъ какъ въ монастырѣ гостилъ въ это время *Ломынъ-Гегенъ* изъ сосѣдняго монастыря и въ этотъ день готовились его проводы, на которыхъ долженъ быть и Сайнъ-Нойенъ. Переводчикъ мой Федоръ, знавшій хорошо монгольскіе нравы и обычаи, послѣ нашего визита напомнилъ мнѣ одно упущеніе: онъ сказалъ, что мы не сдѣлали подарковъ и не дали *хадаковъ*, которые дарить въ обычаѣ при свиданьи. Эти «хадаки» — шелковыя ленты, которыми привѣтствуютъ при свиданіи ламаиты другъ друга, онѣ замѣняютъ въ Монголіи визитныя карточки и въ тоже время онѣ имѣютъ и извѣстную цѣнность. Намъ не приходило въ голову однако, что монгольскіе чиновники, съ которыми мы имѣли дѣло, могутъ ожидать подарковъ. Для этого мы не имѣли во первыхъ ничего цѣннаго, для гобійскаго губернатора, а во вторыхъ мы не понимали, за что должны мы давать подарки, когда на основаніи официальныхъ сношеній, нашей экспедиціи и ея членамъ должно было быть оказано содѣйствіе?

Мы упустили изъ виду, что въ Монголіи нѣсколько другіе нравы и обычаи и мы припомнили теперь, что передавали русскіе торговцы о взяткахъ монгольскихъ чиновниковъ и начальниковъ, о ихъ жадности и часто — вымогательствѣ. О Сайнъ-Нойенѣ я слышалъ, что онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ чиновниковъ монголовъ, что онъ любитъ подарки и пріобрѣтаетъ въ Ургѣ даже русскія дѣтскія игрушки обставляя ими свои покои *). Мнѣ оставалось для дальнѣйшихъ переговоровъ сдѣлать нѣкоторую уступку и, считая посылку «хадаковъ» обычаемъ вѣжливости, я отправился къ торговцамъ китайцамъ и выбралъ два цѣнныхъ «хадака», голубыя шелковыя

*) Свѣдѣнія эти невѣрны. Сайнъ-Нойенъ ханъ (нынѣ уже умершій) велъ скромный образъ жизни, мотовствомъ не отличался. Что касается до хадаковъ и подарковъ, то ихъ нельзя считать взятками, такъ какъ на нихъ всегда посылаются отвѣтные хадаки и подарки. Обмѣнъ подарковъ — восточный обычай, свойственный не одной Монголіи. *Ред.*

ленты, заплатилъ за одну 3 руб. за другую 2 р. и послалъ съ переводчикомъ для передачи начальнику ямуна, прося принять его одинъ хадакъ для него, а другой для передачи губернатору.

Въ тотъ же день изъ своей палатки я могъ наблюдать торжественные проводы Ламынъ-Гегена изъ монастыря; уже съ утра оттуда тянулся его караванъ верблюдовъ, нагруженный сундуками и тюками. Шло нагруженныхъ до 30 верблюдовъ съ знаменами. Въ полуверстѣ отъ нашей палатки, на холмѣ, возвышалась богатая расшитая палатка, «майханъ», гдѣ должно было совершаться прощанье гегена съ подчиненными монахами; множество всадниковъ и ламъ тѣснилось около нея и дѣлались какія то приготовленья. Къ полдню изъ монастыря съѣхалось еще болѣе почетнаго духовенства, вездѣ сверкали богатые шелковые курмы ламъ, развѣвались мохнатыя шапки окрашенныя въ желтый цвѣтъ, выстроился хоръ ламскихъ музыкантовъ съ трубами и барабанами, трубы (буре) издавали такой же унылый звукъ, какъ и раковины. Видно было по всему, что ожиданіе было напряженное. Наконецъ вдали показался торжественный кортежъ. Впереди скакали всадники ламы съ развѣвающимися шелковыми знаменами и штандартами, далѣе, во всю прыть, мчалась изукрашенная китайская карета, въ которой возятъ обыкновенно гегеновъ, она была съ шелковыми занавѣсками, гегенъ сидѣлъ въ парадномъ желтомъ костюмѣ, множество всадниковъ и ламъ слѣдовало за каретой, всадники везли большой раскинутый зонтикъ, наконецъ, въ числѣ кортежа, поодаль на прекрасномъ конѣ двигался самъ губернаторъ Сайнъ-Нойенъ, въ синей хурмѣ съ перомъ на шляпѣ, на которой въ тоже время былъ мандаринскій шарикъ. Онъ былъ окруженъ также многочисленной свитой. Кортежъ прибылъ къ палаткѣ, музыка заиграла, барабаны забили, трубы застонали и раздался хоръ буддійской молитвы. Гегенъ вошелъ въ палатку, здѣсь совершилось послѣднее благословеніе; обстановка была торжественная, такъ какъ буддисты любятъ пышность въ обрядахъ. Послѣ молебна, длившагося съ часъ, прощанья и всякихъ церемоній Гегенъ двинулся въ путь, а кортежъ съ губернаторомъ возвратился обратно въ монастырь. Мы удостовѣрились воочію, что Сайнъ-Нойенъ былъ совершенно здоровъ, и стало быть не принялъ насъ по какимъ нибудь дипломатическимъ соображеніямъ. Онъ былъ ярымъ ламаистомъ и говорятъ добивался сдѣлать своего сына «Гегеномъ», поэтому жилъ въ монастырѣ, покровительствовалъ ламамъ и заискивалъ у нихъ.

Во время всей блестящей торжественной церемоніи мы не выходили изъ своей скромной палатки, къ вечеру къ намъ явились двое полицейскихъ изъ ямуна. Это были мальчики лѣтъ 18-ти, находящіеся на послугахъ и на посылкахъ въ ямунѣ. Мы не особенно обрадовались этой «почетной стражѣ». Во первыхъ мы знали, что должны будемъ ихъ кормить, а двѣ жадныя

глотки совсѣмъ были намъ не кстати. Далѣе это были соглядатаи и полицейскіе агенты, что тоже не особенно было удобно, въ видахъ того, что мѣшало нашимъ разспросамъ о древностяхъ, въ третьихъ — они совсѣмъ были безполезны. Ища себѣ занятій они прежде всего начали отгонять и бить собакъ, затѣмъ ихъ послали наши люди собирать «аргалъ» для топлива, наконецъ къ вечеру они забрались въ юрту, гдѣ мы ночевали и подобрались къ нашему чаю и табаку. Эта безцеремонность объяснялась столько же наивностью дикаря, сколько и нахальствомъ монгольскаго полицейскаго служащаго при ямунѣ, привыкшаго къ чужому добру относиться безцеремонно. Проводниками нашими, отъ ямуна до ямуна, были подобные же разсыльные, молодые служителя, большею частью «ламишки»; мы давали имъ всегда за службу $^1/_2$ кирпича чаю и кусокъ дабы.

По случаю дождя и ненастья вечеръ мы провели въ бѣдной юртѣ нашего хозяина у очага. Юрта была жалкая, юрта нищаго монгола; войлокъ ея былъ разорванъ вторгавшимся скотомъ, полъ былъ грязный усѣянный помётомъ, который попадалъ всюду и даже въ пищу. Во время ненастья въ подобныя юрты забирается и скотъ въ видѣ овецъ. Вся семья хозяина тѣснилась около огня, тутъ же ползалъ ребенокъ, жена хозяина варила ужинъ, наши люди и полицейскіе искали тепла и пріюта здѣсь же, наконецъ явились гости, загнанные непогодой — нищая старуха *шибаганца* (монахиня) и пьяный старикъ лама, родственникъ хозяина, онъ безумолку болталъ, надоѣдалъ, но его нельзя было вывести.

Я видѣлъ, какъ мою постелю и войлокъ заняли гости и тѣснился въ уголъ съ своими дневниками и картами; дымъ наполнялъ юрту, ѣлъ глаза, ужинъ былъ приготовленъ самымъ грязнымъ образомъ, но здѣсь было всё таки лучше чѣмъ въ палаткѣ промокшей отъ дождя и поливаемой ливнемъ.

Въ этой убогой обстановкѣ, въ этотъ вечеръ, подъ впечатлѣніемъ утренняго зрѣлища ламскаго великолѣпія и пышной обстановки монгольскаго сановника Сайнъ-Нойона, я думалъ о контрастахъ нашего положенія и о судьбѣ вообще русскаго путешественника въ Монголіи. Я понималъ, что мы съ своей жалкой палаткой, которая не походила на начальническіе, богатые майханы, явясь скромно съ небольшими вьюками, не могли внушать уваженія на станціяхъ къ Туинъ-Голу. Явясь въ ямунъ и передавъ свои просьбы, а также заявивъ о желаніи видѣть Сайнъ-Нойона, я, къ сожаленію, не смотря на вѣжливый пріемъ молодымъ ламой, начальникомъ ямуна, въ этотъ день не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. Начальникъ ямуна объявилъ мнѣ, что Сайнъ-Нойонъ несовсѣмъ здоровъ и проситъ извинить его.

Монголы измѣряютъ власть, чинъ и значеніе по своему. Они привыкли къ пышной обстановкѣ начальниковъ и знатныхъ лицъ. О такихъ лицахъ

предупреждаютъ, ихъ сопровождаетъ кортежъ изъ проводниковъ и монгольскихъ десятниковъ, которые бьютъ нещадно ямщиковъ, для чиновниковъ и важныхъ гостей заготовляютъ особыя юрты, и не только для нихъ, но и для свиты. Такъ ѣдетъ послѣдній китайскій чиновникъ. Мы же явились безъ такой обстановки и монгольская власть конечно не могла, ни оцѣнить, ни понять, что наша скромность объяснялась высокой цѣлью, которой мы служили и была чужда всякаго тщеславія. Мы съ своей стороны не желали у монгольскаго начальства ничего выпрашивать и предоставили ему самому обнаружить ту долю гостепріимства и вѣжливости, какая ему доступна. Относительно этого гостепріимства мы должны засвидѣтельствовать, что какъ у самого Гобійскаго губернатора, Сайнъ-Нойона, такъ и у ламъ его моныстыря, мы во всё время особой любезности и предупредительности не видали: намъ не дали ни пріюта, ни юрты, а посѣщенье монастыря было отклонено. Всё это мы заносимъ только къ свѣденію путешественниковъ по Монголіи, которые, если объ нихъ не будетъ дано особыхъ приказаній отъ китайскаго начальства, должны ограничиться весьма скромнымъ положеніемъ. Не совсѣмъ доброжелательное отношеніе и монгольская политика впослѣдствіи обнаружились еще рѣзче, и опредѣленнѣе. Къ югу отъ Орхона, по мѣрѣ приближенія къ Гоби, на русскихъ людей смотрѣли все дичѣе и иногда съ величайшимъ трудомъ можно было убѣдить монголовъ, чтобы они пустили ночевать въ юрту и это облегчалось только при содѣйствіи проводниковъ изъ туземцевъ. Даже на китайцевъ Монголы и ламы смотрятъ враждебно, какъ на чужеземцевъ и китайскіе купцы передали намъ, что ихъ заставили съ лавками поселиться подалѣе отъ монастыря.

7-го августа я рѣшился однако посмотрѣть монастырь и кумирни и поѣхалъ въ сопровожденіи монгольскаго полицейскаго захвативъ съ собой походную фотографію «кодакъ». При въѣздѣ въ улицы монастыря мы должны были сойти съ лошадей. Монастырь или хурень былъ довольно значительный; въ немъ было до 20 великолѣпныхъ кумиренъ и до 800 монаховъ; по обыкновенію здѣсь было много субургановъ, каменныхъ жертвенниковъ и возвышеній, съ которыхъ раздается призывъ къ молитвѣ ударами въ бубенъ. При появленіи нашемъ монахи начали съ любопытствомъ окружать насъ, всѣ они были въ тибетскихъ рясахъ, съ голыми руками. Безусые съ бритой головой и капюшонами, ихъ женоподобныя лица напоминали-бы во многомъ католическихъ монаховъ и капуциновъ если бы не монгольскій типъ. Чтобы оставить себѣ воспоминаніе объ этомъ монастырѣ мы, незамѣтно для окружающихъ, начали пробовать моментальный приборъ и сняли до 15 видовъ, при чемъ направляли объективъ и на монаховъ. Они не сразу догадались, но скоро начали закрываться капюшонами. Проходили ламы и монахи и въ служебныхъ костюмахъ т. е. въ большихъ шапкахъ на подобіе шлемовъ и

въ длинныхъ плащяхъ. Въ концѣ монастыря мы видѣли «дворецъ» или помѣщеніе Сайнъ-Нойона; это былъ кирпичный домъ съ крышей, изукрашенной цвѣтной черепицей и разными китайскими звѣрями. Приблизиться къ нему намъ однако не позволили.

Возвратясь изъ монастыря мы снова послали переводчика въ ямунъ, узнать, дадутъ ли намъ лошадей для дальнѣйшаго пути? Опять обѣщали дать скоро отвѣтъ, между тѣмъ еще прошелъ день. Вечеромъ привели барана посланнаго изъ ямуна. Обыкновенно чиновникамъ посылаютъ монголы такого рода приношеніе или провизію. Мы отдали этаго барана людямъ и полицейскимъ для ужина, сами же мы барановъ покупали.

Вечеромъ же я началъ распросныя свѣдѣнія и составленіе новаго маршрута. По разсказамъ Хангай начинается въ вершинахъ р. Онгина т. е. на С. З. отъ ставки Сайнъ-Нойона.

Восточныя горы отъ Кокшинъ-Орхона носятъ названіе Хаирханъ-Нуру. Хребетъ здѣсь постепенно переходитъ въ сопки, которыя, понижаясь и превращаясь въ волнообразную мѣстность, сливаются съ Гоби. Онгинъ имѣетъ длину меньшее 300 верстъ, не соединяется съ озеромъ Уланъ-норъ, какъ означено на картѣ. Это озеро стоитъ отъ него западнѣе; на вопросъ-же, куда впадаетъ Онгинъ, получился отвѣтъ, что онъ исчезаетъ въ пескахъ Гоби. Озера лежащія здѣсь, солеиыя и иногда пересыхаютъ. Провѣрить это конечно мы не могли. Относительно притоковъ Онгина мы узнали, что въ него, ниже нашей стоянки, впадаютъ справа *Дельгирь-булукъ* и *Бату-булукъ*, но есть и другіе притоки, а именно — Обтынъ-Голъ и Термель-Голъ (На топографической картѣ есть нѣсколько притоковъ у Онгина, но имена ихъ не обозначены).

Что касается древностей, то, во все время пребыванія на стоянкѣ нашей, я разсылалъ людей моихъ, переводчика и Лекцика, разузнавать, гдѣ находятся писанные камни или памятники, но даже у торговцевъ китайцевъ они не могли узнать ничего, хотя еще въ Ургѣ торговецъ Соловьевъ разсказывалъ намъ, что около ставки Сайнъ-Нойена есть статуи и камень съ надписями.

Не добившись ничего я рѣшился самъ производить розыски: тѣмъ болѣе у монголовъ было скрытности, тѣмъ болѣе разгоралось стремленіе открыть скрываемое. И въ этомъ случаѣ, противъ азіатскаго упрямства и хитрости, должна быть противопоставлена европейская настойчивость.

Въ этотъ день меня однако обезпокоило одно обстоятельство. У меня открылись сильнѣйшіе ревматическіе боли въ ногѣ благодаря сырой мѣстности, въ которой мы находились. Ревматизмъ былъ въ суставахъ весьма чувствительный.

Ночь съ 7-го по 8-ое Августа я провелъ очень дурно, боли неунимались и на утро, но я и недумалъ о возвращеніи и даже о пребываніи на

мѣстѣ, лекарствъ у меня небыло. Я рѣшился идти далѣе во что бы то ни стало, не обращая вниманія на простуду, такъ какъ возвращенія изъ путешествія съ невыполненнымъ маршрутомъ мнѣ казалось всегда большой неудачей.

8-го Августа я послалъ переводчика снова къ монгольскимъ властямъ спросить получу ли я право перемѣнять лошадей на почтовыхъ станціяхъ. На самомъ же дѣлѣ рѣшилъ выйти на своихъ лошадяхъ и верблюдахъ, благо я ихъ не отдалъ въ табунъ монголамъ для поправки какъ предполагалось. Явившійся въ Яманъ переводчикъ Ѳедоръ заявилъ, что мы *собираемся* выступать далѣе.

Монгольскіе чиновники тогда засуетились и просили подождать полъ дня обѣщаясь выполнить нашу просьбу. Въ 12 час. дѣйствительно пріѣхалъ старшій чиновникъ и привезъ подарки подъ Сайнъ-Найена кумысъ, мѣшокъ пшеничныхъ колобковъ за тѣмъ ходакъ и китайскій шитый кисетъ. Думая чѣмъ его отблагодарить я нашелъ въ своемъ чемоданѣ шелковый платокъ и фильтръ для вояжеровъ, пріобрѣтенный мною въ Парижѣ, и для губернатора Гоби и нашелъ его подходящимъ. Не знаю остался ли доволенъ этимъ подаркомъ Сайнъ-Найенъ.

Присланному чиновнику я подарилъ какіе то письменные принадлежности и серебряный рубль.

Мнѣ была обѣщана перемѣна верблюдовъ и лошадей на станціи, а пока дали трехъ проводниковъ полицейскихъ для охраны. Хотя намъ пришлось выйти на своихъ лошадяхъ, но оставалось примириться.

Люди мои были очень недовольны этимъ, но я не желая дальнѣйшихъ оттяжекъ и замедленій монгольскихъ дипломатовъ торопился въ дальнѣйшій путь.

Выходъ мой на югъ, на Таца-Голъ и Туинъ-Голъ, по направленію Гоби, на поиски памятниковъ, совершился при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Лошади съ сбитыми ногами и верблюды съ ранеными спинами едва тащили вьюки, работники высказывали ропотъ. Переводчикъ Ѳедоръ былъ весьма недоволенъ, что намъ не дали лошадей; монголъ вожакъ, котораго я очень расположилъ къ себѣ, теперь тоже высказывалъ безпокойство за своихъ верблюдовъ. Мы шли между тѣмъ въ пустыню и навстрѣчу весьма недружелюбному населенію.

Къ этому мои боли въ ногахъ усилились и я съ трудомъ держался на лошади.

Выйдя въ 3 часа на Ю. З., мимо горы съ субурганами, мы прошли мимо сопки Джиргаланту и поднялись на перевалъ, съ котораго начали спускаться въ ущелье горы *Харачолоту*. *Харачолоту-Нуру* былъ очень значительный хребетъ, въ ущельи при спускѣ мы видѣли выступы весьма

оригинальной породы, это были цѣлые столбы и сосульки какъ бы сталактитовъ, на самомъ дѣлѣ это были конгломераты песка, глины и гальки, какіе мы видѣли въ долинахъ Алтая и на Телецкомъ Озерѣ.

Мы спустились въ долину и въ 15 верстахъ должны были остановиться. Здѣсь, какъ увѣряли полицейскіе проводники, была станція, но Монголы весьма неохотно пустили насъ въ юрту, говоря, что боятся русскихъ. На самомъ дѣлѣ, какъ объяснилось имъ не хотѣлось давать почтовыхъ лошадей.

На этомъ ночлегѣ люди мои кое-что узнали о памятникахъ. Задобренный угощеніями хозяинъ монголъ сообщилъ, что дѣйствительно есть камень и статуи недалеко, но что насъ провели другой дорогой и, хотя намъ велѣно давать почтовыхъ лошадей, но приказано избѣгать съ нами всякихъ разговоровъ и не дѣлать никакихъ указаній. Переводчикъ слышалъ, что есть памятники и на Шара-Голѣ. Обнаруживъ хитрости, которыя употреблялись по отношенію къ намъ, я рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости и не возвращаясь на розыски, слѣдовать впередъ, посѣтить же скрываемые памятники на обратномъ пути, когда Монголы этого не будутъ ожидать.

На утро намъ дали почтовыхъ лошадей и верблюда, своихъ же лошадей намъ негдѣ было оставить и мы погнали ихъ съ собою безъ вьюковъ. Они отдыхали, и въ то-же время могли, въ случаѣ недоразумѣній, сослужить намъ службу, — мы не остались бы безъ подводъ.

Несмотря на свою болѣзнь я твердо рѣшился слѣдовать далѣе и 9 августа мы дѣлали дальнѣйшій переходъ къ Таца-Голу. Выйдя въ $8^1/_2$ час. мы испытывали, что гобійское солнце на южномъ склонѣ Хангая давало себя чувствовать, — было + 27°. Идя по долинѣ Чолоту мы замѣчали тѣ же причудливые столбы и конгломераты, стоящіе на твердой, неразрушенной еще породѣ; къ 11 час. мы сдѣлали 15 в. и начали подниматься на перевалы, самый большой былъ Заримту-Хаджу-даба. Сдѣлавъ еще верстъ 10 мы остановились на ночлегъ около перевала Урту даба и 10-го августа въ 9 час. пошли далѣе къ Таца-Голу сдѣлавъ перевалъ черезъ гору Ширинъ-Голъ-даба. Съ этого перевала къ югу открывалась цѣлая, живописная панорама горъ. Можно было сосчитать по мѣрѣ перспективы до пяти возвышеній, если не хребтовъ, тянувшихся другъ за другомъ; самый отдаленный хребетъ, виднѣвшійся вдали, былъ Иехе-богдо или вершина Большого Алтая съ признаками снѣга. Предъ нами были причудливыя, гранитныя скалы съ куполами, башнями и т. д.; но горы были, какъ и ранѣе, совершенно безлѣсны. По каменистой мѣстности мы спустились въ долину р. Таца-Гола, направлявшейся, какъ передали намъ монголы, съ сѣвера на югъ изъ хребта Джиргаланту. Таца-Голъ открывалъ долину версты въ 3 шириной, русло рѣки было каменисто, ширина едва достигала 4 саж., но рѣкѣ было много черныхъ утокъ и масса журавлей. Перейдя въ бродъ Таца-

Голъ мы вышли въ ущелье, гдѣ протекала р. Харциту, на которой была станція для перемѣны лошадей. Это была юрта, гдѣ жилъ старикъ лама. Противъ его юрты находилась скала съ ключемъ, ключъ назывался *аршанъ* и будто бы имѣлъ цѣлебныя свойства. Это былъ чрезвычайно чистый, холодный источникъ, который просочился съ большой высоты у подножья скалы и поэтому, превосходно профильтрованный, представлялъ чрезвычайно вкусную, утоляющую жажду воду. Старый лама видя, что я страдалъ болями въ ногахъ, предложилъ мнѣ лѣкарство и я рѣшилъ испробовать лѣченья ламъ. До этого времени я прибѣгалъ только къ одному средству — закутывалъ ноги въ пріобрѣтенныя овчинныя шкуры. Лама примѣнилъ массажъ, который впослѣдствіи, при частомъ употребленіи, нѣсколько помогъ мнѣ.

11-го августа мы вышли въ 9 час. ут. со станціи на новыхъ лошадяхъ и двинулись вверхъ по рѣчкѣ Харциту, на перевалъ Харциту. Ущелье было покрыто гранитными обломками, между скалами показался однако лѣсокъ и кустики — это была большая рѣдкость для насъ, видно, что въ расщелинѣ была вода и, благодаря этому, на осыпи появились лиственница, осина, видна была жимолость. Это та же алтайская *Тая;* изъ нея дѣлаютъ монголы бичи и чубуки, даже корень этого кустарника идетъ на подѣлки. Кромѣ того въ щеляхъ гранита переводчикъ мой нашелъ крыжовникъ съ мелкими ягодами. Здѣсь я нашелъ среди травы и немного цвѣтовъ. Далѣе горы опять были голы, мы достигли высоты перевала рѣки. Харциту здѣсь превращается въ ручей и затѣмъ этотъ ручей вытекаетъ изъ болотца; кругомъ была травяная яркая и свѣжая зелень.

Длина Харциту, по которой мы прошли до верховьевъ, была 15 в. Съ перевала начался пологій спускъ въ долину Наринъ-Гола. Долина была покрыта зеленымъ ковромъ и на мочевинахъ виднѣлись желтые, болотные цвѣты. По Наринъ-Голу тянулись съ права Горы Дархатъ, по другую сторону Шарголджинъ-Нуру. Сначала послѣ спуска долина была открыта, но потомъ мы вступили въ тѣснину и ѣхали среди скалъ. Здѣсь среди скалъ опять попадалась растительность, кривая лиственница и жимолость. На скалахъ мы замѣтили огромныхъ коршуновъ. Ихъ называли *тасъ*, они прилетаютъ изъ Тибета питаются трупами; впослѣдствіи намъ удалось убить *таса* огромнаго размѣра.

До сихъ поръ намъ почти не попадалось керексуръ, но передъ перевалъ на Арцатей, между гранитными обломками стоялъ высокій кижи-чоло, обложенный плитами. На другомъ склонѣ перевала, въ долинѣ Наринъ-Гола, мы встрѣтили такой же высокій камень, какъ будто это были маяки или указатели пути чрезъ перевалъ.

Въ этотъ день отъ монголовъ мы узнали что на р. Шарагольджинѣ, впадающей въ Туинъ-Голъ, находятся развалины древняго монастыря, по-

этому я рѣшился идти по Шарагольджину, а не къ монастырю Ламынъ-Гегена. 12 августа, когда я объявлялъ о намѣреніи идти по р. Шарагольджину, какъ ямщики уртона, почтовой станціи, такъ и полицейскій проводникъ выразили удивленіе и начались споры, имъ хотѣлось вести насъ къ монастырю Ламынъ-Гегена, гдѣ находился ямунъ, полицейское управленье. Такой маршрутъ имъ, какъ видно, объявили монгольскія власти, но я заявилъ, что, какъ путешественникъ, я могу идти куда хочу. Ямщики взялись провести одну станцію. Полицейскіе же проводники поѣхали въ ямунъ, чтобы прислать намъ новыхъ. Каждый разъ мы одѣляли провожатыхъ чаемъ и дабой, то же давали и ямщикамъ, чтобы не было неудовольствій. Выйдя со станціи мы слѣдовали по Наринъ-Голу внизъ верстъ 15 до станціи; на 10 верстѣ мы встрѣтили рядъ горячихъ ключей; температура ихъ была такова, что едва выдерживала рука. Далѣе, пройдя верстъ 5, мы остановились у впаденія Наринъ-Гола въ Шарагольджинъ. Въ этомъ мѣстѣ находилось множество *керексуръ*. Я нашелъ здѣсь самыя типичныя формы, а именно — насыпи съ кругами изъ камней, насыпи, окруженныя четыреугольнымъ орнаментомъ изъ мелкихъ камней съ кольцами по угламъ, точно также плоскіе, квадратные могильники съ плитами. На лѣвой сторонѣ Шарагольджина оказался типичный могильникъ изъ четырехъ плитъ, подобный гробницѣ и предстоящіе камни или аллея камней на разстояніи 250 шаговъ.

Къ вечеру пріѣхалъ новый проводникъ изъ ямуна, весьма услужливый и, перемѣнивъ лошадей, мы должны завтра двинуться далѣе.

13 августа въ $8^1/_2$ ч. утра мы слѣдовали по Шарагольджину. Мѣстность была такого же безлѣснаго и степного характера, съ сопками по обѣ стороны рѣки и каменистыми осыпями. При впаденіи Наринъ-Гола мѣстность болѣе открытая. Сопки какъ бы понижались и были усѣяны щебнемъ, распады горы и долины были шире. Мѣстность уже напоминала пригобійскую. Во время пути безпрестанно приходилось наталкиваться на керексуры и въ одной долинѣ мы встрѣтили довольно высокій обелискъ, стоячій камень, почти въ 2 метра, съ небольшими плитами на всѣхъ сторонахъ. Юрты монголовъ попадались весьма рѣдко. Чрезъ 30 верстъ усталые мы дошли до впаденія Шарагольджина въ Туинъ-Голъ. По правой сторонѣ Шарагольджина, недалеко отъ впаденія его въ Туинъ Голъ, находилась отдѣльно стоящая сопка съ гребнемъ, Номохонъ, на склонѣ ея и были развалины Эбдерхенъ хитъ, чрезвычайно живописныя. Такъ какъ предстояло сначала посѣтить развалины Боро-Хото, то мы прошли немного далѣе до станціи а заняться развалинами на Шарагольджинѣ я рѣшилъ на обратномъ пути. Несмотря на половину августа солнце пекло довольно сильно, жаръ стоялъ днемъ до 35°/₀. Вліяніе гобійскаго солнца было такъ чувствительно, что у меня на лицѣ начала шелушиться и лопаться кожа и лицо болѣло. Въ долинѣ

я видѣлъ пастуховъ китайцевъ, гонящихъ гурты скота; они были въ бѣлыхъ одеждахъ и необычайно широкихъ шляпахъ. Мы остановились на берегу Туинъ-Гола на ночлегъ въ весьма бѣдной юртѣ.

14 августа, отправясь на экскурсію для обозрѣнія развалинъ Борохото, подвигаясь по теченью Туинъ Гола я съ проводникомъ ламой и монголомъ Ленцикомъ, я поднялся на одну изъ сопокъ чтобы обозрѣть мѣстность. Сопка была невысока, фут. на 200, она представляла вывѣтривающіеся ряды скалъ, среди нихъ видны были промоины и сухія русла ручьевъ, песокъ и щебень получаетъ здѣсь всё большее распространеніе, растительность весьма слабая, ввидѣ мелкой степной травы. Съ сопки открывался видъ на послѣдніе отроги южнаго Хангая. Въ этой мѣстности онъ совершается умаляется до небольшихъ каменистыхъ, вывѣтривающихся сопокъ и постепенно переходитъ въ гобійскую равнину. Зато на Югѣ, въ то время, какъ послѣднія предгорья исчезаютъ въ долинѣ Таца-Гола, Туинъ-Гола и Наринъ-Гола, выступаютъ вдали горы большого Алтая съ снѣжными вершинами Ихе-Богдо, Арци и Бага-Богдо. Съ сопки, на которой мы были, вершины Ихе-Богдо видны, были на разстояніи не меньшемъ 100 верстъ.

Эта альпійская мѣстность загадочнаго Б. Алтая влекла насъ, но мы должны были возвращаться на Сѣверъ за позднимъ временемъ.

Продолжая путь по Туинъ-Голу, часа черезъ два, мы достигли развалинъ Боро-хото, лежащихъ недалеко отъ рѣки, на пунктѣ, нанесенномъ на маршрутъ Г. Н. Потанина. Развалины стояли на гладкой, степной мѣстности и представляли собою прямоугольникъ, обнесенный стѣнами, съ небольшимъ рвомъ и земляным валомъ. Ровъ былъ занесенъ мѣстами и углубленіе его не превосходило 1 саж.; высота передняго вала до $1^1/_2$ Ф.; затѣмъ поднимались глинобитныя стѣны съ слѣдами четыреугольныхъ платформъ или бастіоновъ по угламъ. Высота стѣнъ была до $2^1/_2$ саж., стороны бастіоновъ въ 5 шаг.; они выдавались за стѣну, длина стѣны, въ каждую сторону, была отъ 300 до 345 шаговъ. Ворота были только одни, съ южной стороны, края ихъ были утолщены, здѣсь стѣны были обложены кирпичёмъ. Внутри ограды сохранялись только слабые слѣды построекъ; измѣряя и нанося ихъ на планъ мы нашли что нѣкоторые были въ 24 — 35 шаговъ въ длину; расположены эти постройки внутри въ нѣсколько рядовъ, отъ стѣнъ этихъ построекъ сохранились возвышенія на 1 ар. и не много болѣе, всѣ они очень вывѣтрившіеся и назначеніе зданій трудно угадать. Скорѣе всего, судя по бастіонамъ, стѣнѣ и рву, это остатокъ китайской крѣпости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы отличали кладку стѣнъ вертикальную и горизонтальную въ перемежку, въ другихъ мѣстахъ видно, что стѣны состояли изъ щебня, цементированнаго глиной, отчего быстро пришли

въ разрушеніе. Изъ другихъ остатковъ мы нашли около крѣпости только кирпичи размѣр. 34 сант. длины, остатки гранитнаго жернова, и гранитную плиту съ углубленіемъ подобную ступѣ. Это и были всѣ культурные остатки.

Невдалекѣ отъ развалинъ мы нашли юрту, гдѣ отдохнувъ, мы возвратились на мѣсто ночлега. Въ этотъ день я посылалъ переводчика Федора на Югъ посмотрѣть между сопокъ керексуръ. Возвратясь онъ сообщилъ мнѣ, что есть не только керексуры, но и двѣ каменныхъ бабы. Они находились на югѣ, верстахъ въ 30 отъ насъ; какъ ни любопытно было продолжать розыски по границѣ Гоби, но наступило время возвращаться. По крайней мѣрѣ я убѣдился, что памятники и могилы простирались почти до Большого Алтая, что свидѣтельствовалъ и проходившій этотъ путь Г. Н. Потанинъ.

15 августа я отправился на развалины Эберхенъ-хитъ взявъ фотографическій приборъ; переводчика же и ямщика отправилъ на станцію по Шарагольджину въ обратный путь, расчитывая догнать ихъ къ вечеру. Такимъ образомъ въ развалинахъ Эберхенъ-хитъ я оставался одинъ. Развалины эти находились на террасахъ сопки Номогонъ и представляли гораздо болѣе интереса чѣмъ развалины Боро-хото. Они состояли изъ двухъ построекъ на разстояніи 200 шаговъ другъ отъ друга, расположенныхъ на двухъ террасахъ; онѣ обнесены были глинобитною стѣною въ 2 саж. высоты, длина стѣнъ была 135 шаговъ, по лицевому плану 120 шаг.; около стѣнъ шелъ ровъ отъ 2 до 3 ар.; стѣны не имѣли ни бастіоновъ, ни башенъ по угламъ, въ срединѣ стѣны находился входъ, шириной сажень съ аршиномъ въ поперечникѣ. Вокругъ кирпичной стѣны нижняго зданія видны были слѣды другихъ, глинобитныхъ, маленькихъ строеній, какъ бы службъ или часовень, можетъ быть субургановъ, но теперь это были насыпи съ едва сохранившимися стѣнками. Надо замѣтить, что матеріялъ, изъ котораго они были сдѣланы, былъ весьма простъ и состоялъ изъ глины и щебня. Гораздо болѣе сохранились стѣны, окружающія другія постройки. За стѣнами, при входѣ во дворъ, вы встрѣчаете большую, четыреугольную постройку съ входомъ въ передней стѣнѣ, она, кромѣ двери, заключала по два сохранившихся еще окна на двухъ другихъ, противоположныхъ стѣнахъ, по правую и лѣвую сторону зданія, задняя стѣна зданія обрушилась, но другія стѣны, изъ сырцоваго кирпича, сохранились высотою до 5 саж.. Видно по остаткамъ отверстій, гдѣ были поперечныя балки, что въ срединѣ зданія былъ потолокъ и какія то деревянныя связки, можетъ быть раздѣлявшія зданіе на два этажа. Рядомъ съ этимъ, большимъ зданіемъ были внутри двора двѣ другихъ постройки, но онѣ менѣе сохранились и назначеніе ихъ трудно угадать. По расположенію главной постройки трудно судить, была ли здѣсь кумирня или жилье настоятеля. 2-ая постройка въ нѣсколькихъ шагахъ представляла несомнѣнно остатокъ кумирни, передняя сторона стѣны была

43 шаг., боковая стѣна 35 шаг., съ лицевой стороны выходило наружу большое окно, аршина въ $2^1/_2$ выс., надъ фундаментомъ въ $1^1/_2$ арш. Входъ былъ кажется съ восточной стороны, если только большое окно не было ранѣе передней дверью, соединенной съ лѣстницей, которая могла разрушиться. По срединѣ зданія мы видимъ на В. двѣ боковыхъ комнаты съ перегородкою; стѣны сохранились; затѣмъ около задней, С. стороны стѣны, мы видимъ высокую надстройку, поднимающуюся надъ вторымъ этажемъ, внутренность этой надстройки какъ бы напоминаетъ алтарь кумирни или мѣсто, гдѣ были идолы. Другого назначенія по положенію постройки трудно придумать. Около этого зданія сохранившаго стѣны также до 5 саж, можно видѣть слѣды стѣнъ, какъ будто окружавшихъ его, какъ и первое зданіе, а также и второстепенныя постройки. Оба эти зданія на террасахъ примыкаютъ къ сопкѣ, такъ что со второй террасы и изъ второго зданія легко было выйти на вершину сопки и представляли въ общемъ видъ очень красиваго и величественнаго аббатства. Затѣмъ наше вниманіе обратилъ на себя матерьялъ, изъ котораго были построены эти при-гобійскія постройки. Первое зданіе было глинобитное изъ сырцоваго кирпича, во 2-мъ зданіи фундаментъ былъ сдѣланъ изъ дикаго камня на $1^1/_2$ арш. высоты и далѣе шли кирпичныя постройки; кромѣ сырцоваго и обожженнаго кирпича встрѣчался однако особаго рода матерьялъ. Уже въ первой постройкѣ, разсматривая подробно составъ глинобитныхъ стѣнъ, мы натолкнулись на остатки дерева, щепъ, костей, соломы, травы и всякаго мусора въ составѣ глины, видно, что въ массу глины, изъ которой сооружалось зданіе, попадали всякіе элементы. Затѣмъ въ другихъ стѣнахъ мы видѣли сплошные слои мелкаго щебня, скрѣпленнаго глиной. Во второмъ, верхнемъ зданіи, въ стѣнахъ надъ фундаментомъ мы замѣтили весьма рѣзко и опредѣленно эти «конгломераты» если можно такъ выразиться. Можетъ быть естественные «конгломераты» изъ глины и мелкой гальки и послужили первымъ, мѣстнымъ архитекторамъ прототипомъ матеріала для построекъ. Обращало вниманіе, что подобныя стѣны не состояли изъ отдѣльныхъ пластинъ, наслоеній или кирпичей, но составляли нѣчто цѣльное сплошное слитое состоя только изъ щебня залитаго глиной и пескомъ. Прочность ихъ была замѣчательная. Постройку подобныхъ стѣнъ можно объяснить такимъ образомъ, что для стѣнъ въ размѣрѣ ихъ ширины сначала ставились доски въ видѣ формы куда вливалась масса изъ глины и щебня, снятыя формы и доски переносились и на одномъ этажѣ воздвигался другой. Палящее солнце въ этихъ мѣстахъ способствовало весьма быстрому высыханію и затвердѣнію матерьяла, слои же щебня изъ разрушающихся скалъ вмѣстѣ съ глиною были прекраснымъ строительнымъ матерьяломъ. Время постройки и древность Эбдерхенъ-хита трудно опредѣлить, но вѣроятно эти постройки не принадле-

жатъ къ очень давнимъ и не древнѣе 100 лѣтъ. У сосѣднихъ монголовъ чрезъ переводчика мы узнали слѣдующее преданіе касательно этихъ развалинъ. Разсказываютъ что монастырь Эбдерхенъ-хитъ принадлежалъ Номунъ-эдзеню, у котораго были еще два брата Иехе-Мергенъ и Уненъ-Эдзенъ. Номунъ-эдзинъ былъ ламаистъ, преслѣдовалъ шамановъ; одинъ разсказъ говоритъ, что онъ закопалъ живого шамана въ землю, другіе разсказываютъ, что, будучи крайне жестокимъ, онъ закопалъ живымъ своего сына въ землю. Осужденный въ жестокихъ мукахъ проклялъ это мѣсто и палачей. Съ тѣхъ поръ это мѣсто опустѣло, монастырь оставленъ и здѣсь живутъ злые духи, которые пугаютъ приближающихся. Другихъ подробностей мы не могли добиться.

Въ тотъ же день, послѣ работъ на развалинахъ, мы поспѣшили вечеромъ догнать нашъ караванъ и нашли его на станціи по Шарагольджинъ. Переночевали въ бѣдной юртѣ гобійскаго монгола, гдѣ было всё скудно, и пахло дикимъ чеснокомъ, который употреблялся въ ѣду. 16-го августа, въ 5 верст. отъ станціи, мы наткнулись на *оленный камень* или камень съ рисунками оленей, онъ былъ разбитъ и находился около керексура. Что касается *каменныхъ бабъ* то подобіе ихъ мы видѣли на одной насыпи на керексурѣ по Онгину; здѣсь стояли двѣ, грубо сдѣланныя фигуры, представляющія только очертанія головы и плечъ.

Возвратный путь нашъ шелъ къ Онгину тою же пройденною дорогою на Таца-Голъ.

17-го августа мы шли по Наринъ-голу. Въ этотъ день былъ убитъ на скалахъ видѣнный нами Гобійскій коршунъ тасъ — голова его и шея была голая. Высота его отъ земли была 1 мет. 4 сант. грудь между крыльями 28 сант. нога 40 с. голова 16 сант., клювъ 6 с., глазъ вынутый $3^1/_2$ с. крылья въ размахѣ, расправленные, отъ одного конца до другого 2 метра.

18 августа шелъ сильный дождь и при + 11° шла крупа, затѣмъ выпалъ мокрый снѣгъ; мы шли по Таца голу и находили пріютъ отъ холода и сырости въ юртахъ монголовъ, которые встрѣчались рѣдко. Большинство монголовъ перекочевывало въ это время къ югу; перекочевки въ Гоби длились отъ 5 до 20 переходовъ. Сайнъ-Найенъ также перекочевывалъ. Съ Таца-гола мы перешли ущельемъ къ рѣчкѣ Бамбухта. Ущелье представляло дикій видъ и усѣяно было огромными, гранитными глыбами, въ щеляхъ скалъ пробивалась осина, тая (жимолость) и золотарникъ. Далѣе слѣдовалъ перевалъ чрезъ Ширенъ-дабанъ, съ перевала мы спустились въ долину.

19 августа. Выйдя здѣсь на прежнюю дорогу и, зная что до Онгина остается одна станція, мы рѣшили отпустить проводниковъ и почтовыхъ, вьючныхъ лошадей и, на собственныхъ, своихъ лошадяхъ, пойти новой дорогой къ монастырю С. Нойона, дѣлая розыски памятниковъ, которые

отъ насъ скрывали. Переводчикъ Ѳедоръ передалъ, что, по разсказамъ, есть памятникъ на Ширенъ-Голѣ поэтому я рѣшился 19-го августа свернуть на Ширенъ-голъ. Считая себя вполнѣ освободившимися отъ контроля и надзора монголовъ мы пошли къ перевалу и по дорогѣ я занялся осмотромъ и измѣреніемъ значительнаго керексура; онъ былъ обведенъ четыреугольной каймой изъ камней, каждая сторона которой равнялась 28 шагамъ. Около керексура вслѣдъ за мной появилось нѣсколько монголовъ наѣзниковъ и одинъ почтовый надсмотрщикъ съ шарикомъ на шапкѣ. Я сначала не обратилъ на нихъ вниманія и, окончивъ осмотръ керексура, поскакалъ догнать нашихъ людей.

Намъ нужно было отойти нѣсколько въ сторону отъ почтоваго пути и перейти Бамбухты, а потомъ подняться къ горѣ Шундутей, за которой лежалъ Ширенъ-оолъ. Такъ какъ на Ширенъ-Голѣ, по увѣренію монголовъ, не было юртъ, то мы остановились на перевалѣ и отсюда я послалъ переводчика, Ѳедора Осокина и монгола Лекцика въ разныя стороны осмотрѣть мѣстность, такъ какъ точно узнать, гдѣ находились памятники или камни мы не могли, но вслѣдъ за нами послѣдовалъ и монгольскій полицейскій надсмотрщикъ. Когда мы остановились на перевалѣ онъ также остановился въ юртѣ и спросилъ нашихъ людей «почему мы оставили прямую почтовую дорогу? «Въ отвѣтъ онъ получилъ, что мы на своихъ лошадяхъ выбираемъ дорогу, куда хотимъ и вреда никому не приносимъ, что, какъ торговцамъ, такъ и намъ дорога открыта куда угодно». Не удовлетворенный въ своемъ любопытствѣ монгольскій надсмотрщикъ остался близъ насъ. Это не помѣшало мнѣ послать нашихъ людей на розыски памятниковъ, а самъ остался при вещахъ и при караванѣ раскинувъ палатку. Пока люди ѣздили я занялся просушиваніемъ гербарія и шкурки убитаго коршуна. Когда я остался одинъ и терпѣливо ждалъ людей я внезапно увидѣлъ явившимися цѣлый отрядъ конныхъ монголовъ человѣкъ изъ 7 и въ томъ числѣ полицейскихъ изъ ямуна Сайнъ-Найена, я ихъ узналъ, потому что видѣлъ ихъ ранѣе въ полицейскомъ управленіи. Это были молодые ребята весьма нахальные. Явясь ко мнѣ въ палатку безъ приглашенія, они начали спрашивать, куда уѣхали мои проводники монголъ и «саёнъ» какъ звали они переводчика Ѳедора Осокина считая его за соенца». — Какъ могъ я отвѣтилъ имъ, что люди мои уѣхали на охоту и на всѣ дальнѣйшіе вопросы отвѣчалъ не понимаю. Полицейскіе скрылись, но поѣхали въ томъ направленіи куда поѣхали мои люди на Ширенъ-голъ. Это заставило меня безпокоиться за моихъ проводниковъ. Провожатый, монголъ Лекцикъ, былъ даже изъ хошуна Сайнъ-Найена и могъ быть призванъ для допросовъ, чего онъ ужасно боялся, такъ какъ въ монгольскомъ ямунѣ (полицейскомъ управленіи) не церемонятся. Я заношу эти подробности, чтобы оттѣнить, при какихъ усло-

віяхъ были дѣлаемы послѣднія изысканія на Онгинѣ и какъ внезапно обнаружилась монгольская полицейская бдительность, бывшая доселѣ скрытою. Ясно, что почему то монгольской полиціи не нравился нашъ новый маршрутъ и они хотѣли, чтобы мы слѣдовали только почтовой прямой дорогой и никуда не сворачивали. Часа черезъ два послѣ нетерпѣливаго ожиданія явились съ розысковъ монголъ и переводчикъ. Они во первыхъ передали, что на Ширенъ-Голѣ, кромѣ одного гладкаго стоячаго камня, они не нашли замѣтныхъ памятниковъ, а затѣмъ сообщили, что полицейскіе, настигшіе ихъ, очень нахально и повелительно разспрашивали о цѣли ихъ разъѣздовъ въ долинѣ Ширенъ-Гола, при чемъ не скрывали уже своихъ подозрѣній. Они спрашивали: чего мы ищемъ, зачѣмъ я срисовываю горы и почему мы свернули съ почтовой дороги?» Переводчикъ мой былъ остороженъ и, не давая самъ отвѣтовъ, сказалъ, что они люди нанятые и чтобы съ этими вопросами они обратились къ «Нойону» т. е. ко мнѣ. Тогда полицейскіе оставили ихъ и опять поскакали въ ямунъ доложить о своихъ наблюденіяхъ. Мы же остались ночевать на перевалѣ, чтобы на завтра сняться и продолжать путь по направленію къ монастырю Сайнъ-Нойона, но новой долинѣ, а не прежнимъ путемъ. Въ этой новой долинѣ, на основаніи сдѣланныхъ тайно разспросовъ нашими людьми, мы разсчитывали найти памятники съ надписями и статуями. Такъ какъ это была одна изъ важныхъ цѣлей нашей экскурсіи на Онгинъ, то мы рѣшили не обращать никакого вниманія на вопросы и предостереженія монгольскихъ полицейскихъ досмотрщиковъ. Ихъ вмѣшательство и наѣзды были и безпокойны и непонятны ввиду заявленій, сдѣланныхъ Сайнъ-Нойону и полученнаго предписанія отъ китайскихъ властей объ экспедиціи.

20 августа утромъ мы снялись съ стоянки и прослѣдовавъ мимо почтовой станціи на Бамбухте, на которую не заходили, пошли новой дорогой обойдя гору Хорачолотей, чрезъ которую насъ провели полицейскіе проводники въ передній путь. Монгольская хитрость и заключалась въ томъ, что насъ провели прежде чрезъ гору Хорчолотей и скрыли отъ насъ путь болѣе прямой, который скрывать отъ насъ были причины. Вслѣдъ за нами поѣхалъ и тотъ монгольскій альгвазилъ, который слѣдилъ за нами и ночевалъ на перевалѣ. Къ нему присоединились въ долинѣ монгольскіе почтари и всѣ единогласно настаивали чтобы мы шли чрезъ Хорчолотей, но мы твердо рѣшили идти самостоятельной дорогой и не поддаваться хитрости. Собственно проводника у насъ не было и мы шли наугадъ по ранѣе сдѣланнымъ разспросамъ. Пройдя верстъ 5 мы повернули къ востоку и начали обходить гору, здѣсь мы начали наталкиваться на керексуры. Направо къ востоку открывалась небольшая долина, а за ней горы, отдѣляющія р. Онгинъ. Названіе этихъ возвышеній было Маниту и далѣе Кокшинъ-Дели. Идя по

предгорьямъ мы зорко присматривались къ мѣстности и у подножія горы Маниту, на открытой долинѣ, увидѣли подобіе обелиска. Нѣсколько наѣздниковъ и полицейскій продолжали за нами слѣдовать и наблюдали издали. Завидя выдающійся камень и разсмотрѣвъ въ бинокль его, я повернулъ съ дороги и поѣхалъ къ нему съ Ѳедоромъ, а затѣмъ убѣдясь, что это памятникъ съ надписями, распорядился повернуть къ нему и караванъ нашъ. Скрываемый памятникъ былъ открытъ на глазахъ у монгольскихъ полицейскихъ.

Памятникъ у подножія Маниту оказался выдающимся и именно искомымъ памятникомъ, съ руническими письменами. Это былъ высокій, гранитный столбъ въ 2 метра съ закругленнымъ верхомъ. Онъ стоялъ на югъ, на двухъ бокахъ его имѣлись руническія письмена и наверху, въ полукругѣ, символическій знакъ, присущій и другимъ Тукюэсскимъ могильникамъ и изображающій нѣчто похожее на букву Я. Часть столба уже начинала вывѣтриваться, онъ былъ покрытъ птичьимъ помётомъ, поэтому нужно было его очищать. У подножія памятника видны были врытыя плиты, самъ онъ стоялъ въ гранитной подставкѣ, какъ можно догадаться въ черепахѣ. Въ 15 шагахъ отъ памятника на югъ находились 4 гранитныхъ статуи, изображающихъ сидячія фигуры, какъ всегда, безъ головъ. Руки у одной статуи были обломаны, у двухъ другихъ онѣ были сложены на груди, четвертая статуя казалась стоящей на колѣнахъ и держала въ рукахъ странный овальный предметъ, напоминающій огромный пестъ или опрокинутый овальный сосудъ, но во всякомъ случаѣ это не была ни чаша, ни ступа, такъ какъ отверстія въ верхней овальной части не было признака. Значенія этого предмета мы не могли разгадать. Около лежало нѣсколько обломковъ гранита. Статуи были сильно попорчены.

Снявъ фотографію съ памятника и статуй и измѣривъ ихъ мы приступили къ снятію эстампажа съ надписи. Намочивъ коленкоръ и смочивъ его растворомъ гумми, мы должны были натянуть его прежде на обелискъ, но здѣсь встрѣтились препятствія, камень былъ очень высокъ, затѣмъ вѣтеръ мѣшалъ прикрѣпленію ткани безпрестанно сдувая ее. Нужно было думать о подставкахъ. Смѣтливый насчетъ всякихъ походныхъ приспособленій переводчикъ Ѳёдоръ нашелся и въ этомъ случаѣ; онъ употребилъ верблюжье сѣдло и шесты отъ палатокъ какъ подставки, поднялся на нихъ и прикрѣпилъ коленкоръ сшивъ его сзади веревками. Послѣ этого можно было прибить ткань щётками, и затѣмъ когда она подсохла провести валькомъ съ типографскими чернилами. Недалеко отъ этого могильника находились сопутствующіе или предстоящіе указательные камни и на двухъ были символическіе знаки, такія же какъ и на верху главной колонны.

Мы работали здѣсь вплоть до заката солнца, съ трудомъ добыли воды

и напились чаю. Всё время полицейскій монголъ дежурилъ и сидѣлъ вдали, иногда подъѣзжали монголы, но никто не мѣшалъ намъ. Свернувъ бережно сдѣланный снимокъ, мы съ трофеемъ двинулись далѣе искать пріюта на ночь. Ни голодъ, ни жаръ въ продолженіе дня не былъ для насъ чувствителенъ въ этотъ день. Это былъ напротивъ день торжества для насъ и мои проводники раздѣляли мою радость. Наше веселье и побѣда была контрастомъ съ унылымъ расположеніемъ духа полицейскаго, которому было поручено слѣдить за нами. Не съумѣвъ перехитрить насъ и сбить съ дороги, онъ теперь уныло и апатично плёмя за нами. Пройдя верстъ 10 за поисками юртъ мы съ трудомъ нашли ихъ въ долинѣ, но и здѣсь насъ не пустили, такъ какъ хозяева юртъ сбирались перекочевывать чуть свѣтъ. Мы перешли въ другое мѣсто и переночевали въ бѣдной и жалкой юртѣ.

21 августа сдѣланъ былъ послѣдній переходъ верстъ 10 до монастыря Сайнъ-Нойена и Онгина, мы шли долиною по рѣчкѣ Буренка.

Нашъ вожакъ Лекцикъ передалъ, по поводу памятниковъ снятыхъ вчера, преданье монголовъ, что у горы Маниту и въ долинѣ Теренъ-гола жили два хана, которые между собою враждовали. Затѣмъ онъ слышалъ, что на Кокшикъ-деле, притокѣ Онгина и Терменъ-голѣ также есть подобные памятники, но ихъ предстоитъ открыть другимъ, такъ какъ наши розыски на Онгинѣ должны были закончиться. Простоявъ сутки близъ монастыря на Онгинѣ 22-го августа мы отправились обратно на Орхонъ, но другой дорогой. Мой переводчикъ передъ отъѣздомъ былъ вызванъ въ ямунъ, его спросили, благополучно ли мы ѣздили и затѣмъ отпустили, обѣщавъ дать проводниковъ, и сдѣлать распоряженіе на станціяхъ о томъ, чтобы намъ давали перемѣнныхъ лошадей. Наши лошади и верблюдъ не могли бы безъ этого перейти чрезъ Хангай со вьюками, такъ какъ очень были измучены. 22-го августа мы отправились внизъ по Онгину, съ котораго намъ предстояло теперь прямо перейти чрезъ горы къ Орхону *). Мы двигались по правому берегу Онгина проѣзжая то подъ скалами, то выѣзжая на болѣе открытыя мѣста. Пройдя верстъ 25 мы остановились на берегу Онгина, на почтовой станціи; на другой сторонѣ виднѣлось нѣсколько керексуръ и стоячій гладкій камень. Сосѣдняя скала носила названіе Бичиктъ-Уланъ-Хада. Какъ намъ передали названіе это дано было за начертанные здѣсь знаки и изображенія звѣрей, которыя теперь вывѣтрились. Къ сожалѣнію я не могъ сдѣлать осмотра, потому что въ этотъ день подъѣзжая къ станціи у меня упала лошадь и жестоко ушибла мнѣ ногу. На другой день я однако рѣшился ѣхать убѣдившись что вывиха не было.

*) Въ Орхонъ съ южнаго склона Хонгая спускалась рѣчка Оботенъ-голъ, говорятъ длиной около 40 в.

23-го августа, переправясь чрезъ Онгинъ, мы двинулись на СВ. въ горы, чтобы перейти Хангай; мы шли проходомъ въ горахъ поднимаясь на перевалъ. На склонахъ горъ мы видѣли обилiе керексуръ, мы насчитали ихъ по дорогѣ до 100. Пройдя 10 верстъ мы перемѣнили на станцiи лошадей при чемъ ямщики разбѣгались и мой переводчикъ собиралъ ихъ по юртамъ.

На сѣверныхъ склонахъ горъ обнаружился лѣсъ; здѣсь были лиственница и кедръ. Сопки были окрашены малиновымъ цвѣтомъ, въ долинѣ мы видѣли свѣжую, луговую зелень, здѣсь паслись стада и вездѣ виднѣлись юрты. Спустясь съ перевала мы вышли въ долину рѣчки Галутей, гдѣ опять пришлось перемѣнить лошадей. Намъ невыгодны были эти частыя перемѣны отнимавшiя время; но монголы не желали далеко гнать скотъ и, въ своихъ интересахъ, предпочитали короткiе переѣзды верстъ въ 10. Мѣстность становилась лѣсистою, мы проѣхали мимо живописныхъ горныхъ озеръ, далѣе слѣдовали прекрасные альпiйскiе луга. Мы слѣдовали долго долиной, наконецъ начали подниматься въ горы. Наши ямщики, по мѣрѣ наступленiя сумерекъ, всё болѣе торопили вьючныхъ лошадей и погнали ихъ скорой рысью, какъ объяснили намъ, чтобы достигнуть станцiи пока не стемнѣетъ. Однако, несмотря на это, въѣхавъ въ ущелье мы шли около часа уже совершенно ночью. Я слышалъ только топотъ лошадей и едва поспѣвалъ верхомъ съ ноющей, больной ногой за монголами.

Когда мы подъѣхали къ станцiи мы сперва слышали только лай собакъ, потомъ освѣтилась юрта. Мѣстность была лѣсистая. Мы остановились здѣсь на ночлегъ сильно запоздавъ, сдѣлавъ въ этотъ день не менѣе 40 верстъ.

24 августа ночлегъ былъ на Сертынъ-булакѣ, горномъ ручьѣ, извивавшемся среди лѣсистыхъ горъ. Мы старались присмотрѣться въ этой лѣсной полосѣ Хангая, не измѣнила ли лѣсная обстановка быть монголъ и къ удивленiю увидѣли, что монголы весьма мало и почти совсѣмъ не утилизировали лѣса. Такъ напр. они продолжали юрты топить аргаломъ. Лѣсныя подѣлки у нихъ очень плохи. Монголы не могутъ справиться съ большими стволами деревьевъ. Здѣсь я замѣтилъ, что монголы употребляютъ *жеванiе сѣры* и именно лиственничной. Сѣра носитъ названiе *бохъ* лиственница хара модо. Эту сѣру я видѣлъ и на Онгинѣ. Какъ извѣстно, жеванiе смолы (сѣры) сильно развито въ Сибири.

Оставивъ Сертынъ-булакъ, мы начали спускаться, какъ можно было судить, на сѣверный склонъ Хангая. Намъ передали, что на Юго-Востокъ находится въ горахъ рѣчка Харцатай и на ней горячiе ключи. Затѣмъ изъ разспросовъ оказалось, что Хангай вообще очень богатъ минеральными источниками. Въ горахъ также находится монастырь Це-гунъ-хуре, оставшiйся къ югу отъ насъ. Съ перевала мы вышли мимо Сопки Шибетей на рѣчку

Даланъ-Туру. Здѣсь была широкая долина. Лѣсной Хангай остался позади, насъ же окружила безлѣсная мѣстность; трава уже поблѣкла, около кустиковъ встрѣчались горная астра, синіе колокольчики, гвоздика, золотарникъ и незабудка.

Долиной мы прошли двѣ станціи по 15 верстъ и спустились къ Орхону. Весь перевалъ съ Онгина равнялся 70 верстамъ. Открывшійся Орхонъ направлялся съ сѣвера и дѣлалъ загибъ или излучину на западъ. Мы поднялись на одну сопку и перешли въ долину р. Худжирей, гдѣ была станція. Здѣсь я получилъ извѣстіе отъ монголовъ, что одинъ отрядъ нашей экспедиціи, съ топографомъ, 5 дней назадъ, прошелъ въ верхъ по Орхону, а другіе вышли изъ Эрдени-Цзоо неизвѣстно куда.

25 августа, простившись съ сопровождавшимъ насъ полицейскимъ монголомъ и вручивъ ему подарки, чай и рубль, я на другой день поспѣшилъ по Орхону, къ Эрдени Цзоо, гдѣ встрѣтилъ нашихъ казаковъ, вручившихъ мнѣ письма отъ начальника Экспедиціи, В. В. Радлова, и сообщившихъ о томъ, какъ раздѣлились наши отряды.

Въ письмѣ, оставленномъ мнѣ, начальникъ экспедиціи, В. В. Радловъ, извѣщалъ о своемъ выходѣ на югъ чрезъ Калганъ, въ Пекинъ, а также о выходѣ другихъ членовъ экспедиціи и, въ то же время, поручалъ мнѣ, съ оставшимися около Эрдени Цзоо людьми и караваномъ, отправиться на сѣверъ къ Орхону, отыскать въ мѣстности за Угей-Номъ урочище Асхете, гдѣ находится могильный памятникъ, заслуживающій вниманія и видѣнный во время экскурсіи Н. П. Левинымъ, и, что на памятникѣ находится надпись; мнѣ поручено было снять ее, затѣмъ пройти къ монастырю Со-Гуна, гдѣ также по разсказамъ находились камни съ надписями и, выполнивъ эти порученія, идти съ караваномъ въ Кяхту.

Среди писемъ, ожидавшихъ меня въ Эрдени-Цзоо было также весьма лестное для меня письмо профессора школы Восточныхъ языковъ въ Парижѣ, Г. Деверіа, который, на основаніи китайскихъ анналовъ, дѣлалъ различныя указанія относительно положенія Каракорума. Получить письмо изъ Европы, будучи оторванному мѣсяцами отъ сношеній съ Европейскимъ обществомъ, было для меня самымъ пріятнымъ сюрпризомъ.

Запасшись энергіей я приготовился совершить послѣдній переходъ и сдѣлать новые розыски.

Но прежде выхода изъ Эрдени-Цзоо, я долженъ былъ снять эстампажъ съ того камня, который лежалъ къ Юго-Востоку отъ монастыря, въ горахъ и найденъ былъ мною при переходѣ съ Толы.

26-го августа я выполнилъ это съѣздивъ туда съ переводчикомъ Ѳедоромъ.

27-го августа назначенъ былъ выходъ нашего каравана, и, простив-

шись съ ламами въ Эрдени-Цзоо и съ другомъ моимъ, старикомъ Буддъ-зайсаномъ, мы направились къ Кошо-Цайдаму, откуда должны были пойти на сѣверъ для отысканія урочища Асхете.

28 августа мы были около знакомаго—Кошо-Цайдама; утро было свѣжее + 10°. Я объѣхалъ мѣстность и осмотрѣлъ еще разъ памятное мнѣ мѣсто, гдѣ два года назадъ я впервые видѣлъ замѣчательные могильники. Теперь здѣсь всё носило слѣдъ отбывшей только что экспедиціи. Я видѣлъ нѣсколько новыхъ камней, поднятыхъ изъ земли и мнѣ пришлось раздѣлить сожалѣніе, что мы не могли здѣсь сдѣлать капитальныхъ раскопокъ тукюэсскихъ могильниковъ.

Близъ Кошо Цайдама находятся и керексуры. Сравненіе доисторическихъ керексуръ съ историческими тукюэсскими памятниками представляло для меня, послѣ всѣхъ наблюденій, надъ могильниками особый интересъ. Аналогіи и родство сами собою напрашивались и плоскіе четыреугольные керексуры, обставленные плитами, казалось были первообразомъ тукюэсскихъ гробницъ.

29 августа, мы направились отъ Кошо-Цайдама на Сѣверо-Востокъ, къ урочищу Хобыръ и, съ 8 час. утра, сдѣлали въ день около 30 верстъ. Урочище Хобыръ находилось къ В. отъ Угей-Нора послѣ пересѣченія Ургинско-Улясутайской почтовой дороги.

Мѣстность была степная и безлѣсная. Въ 25 в. отъ Кошо-Цайдама встрѣтился только небольшой хитъ или дугупъ, монгольскія кельи и ручей.

30 августа мы прошли еще верст. 15 въ С. В. направленіи и, остановясь въ монгольскихъ юртахъ, узнали, что урочище Асхете лежитъ далѣе за переваломъ. Впереди виднѣлись скалистыя горы. Налѣво отъ насъ къ З. виднѣлась сопка Шире. При переходѣ чрезъ скалы Шохотъ, на одномъ изъ камней, мы нашли изображеніе дикихъ козловъ и оленей, рисунокъ былъ снятъ. Затѣмъ у подножья сопки встрѣтили хитъ Борохо, далѣе послѣдовалъ еще перевалъ и мы вышли на плато, усѣянное сопками, среди которыхъ одна, выдающаяся, носила названіе Асхете-корумъ. Окружающая мѣстность носила слѣдъ волканическаго происхожденія судя по выступамъ въ различныхъ мѣстахъ *лавы*. Эти выступы лавы отмѣчены и въ дневникѣ Г. Н. Потанина. Мы позволимъ себѣ отмѣтить только, что эти осыпи или разрушенія лавы носили тюркское названіе — корумъ; если мы примемъ во вниманіе *черный* цвѣтъ лавъ, то мы поймемъ и древнее названіе этихъ горъ.

Нѣсколько къ западу отъ сопки Асхете, на открытомъ плато, раскидывавшемся версты на 3, мы разсмотрѣли и искомый памятникъ. Онъ стоялъ совершенно одиноко.

Недалеко находились юрты монголовъ, гдѣ мы и сдѣлали стоянку. Въ этотъ же день я разсмотрѣлъ памятникъ а на другой день, 31 августа,

его фотографировалъ, снялъ рисунокъ и измѣрилъ, точно такъ-же я сдѣлалъ эстампажъ съ находившейся на немъ рунической надписи. Изображеніе этого памятника вошло въ атласъ Орхонской Экспедиціи. Этотъ памятникъ, мало того, что оригиналенъ самъ по себѣ, — онъ представлялъ интересъ и по сближенію его съ другими памятниками. Во 1-хъ онъ представлялъ 4 плиты, стоящія квадратомъ и напоминающія гробницу, иначе, — онъ походилъ на подобные же памятники, видѣнные нами на Толѣ и Кошо-Цайдамѣ, узоръ на плитахъ былъ ромбическій; во вторыхъ передъ этими плитами находился камень, похожій на плиту съ рунами и изображеніями. На Кошо-Цайдамѣ, на гробницахъ, также стояли предстоящіе камни съ символическими знаками. Въ числѣ знаковъ находился знакъ Я. Въ третьихъ, изображеніе сдѣлано весьма искусно, барельефомъ на твердой породѣ черной, блестящей лавы. Барельефъ изображалъ три мужскія фигуры въ національныхъ костюмахъ и шапкахъ. Одна фигура, средняя, была en face, двѣ другія въ полъ-лицевого оборота, въ ней — уже это положеніе указывало на нѣкоторое искусство художниковъ, хотя эти фигуры не пропорціональны, средняя фигура больше, двѣ другія меньше. Въ лицахъ, размѣры которыхъ мы представили, обнаруживается монголообразный типъ древнихъ обитателей. Затѣмъ замѣчательно точно воспроизведены костюмы. Шапки напоминаютъ какъ бы шлемы, но достаточно знать одежду сѣверныхъ, Сибирскихъ кочевниковъ, чтобы распознать въ нихъ фасонъ мѣховыхъ шапокъ, употребляемыхъ и нынѣ алтайцами лишь съ нѣкоторыми измѣненіями, а именно, съ клиньями, которые спускаются къ подбородку и напоминаютъ киргизскія мѣховыя шапки (малахаи). Затѣмъ мы видимъ длинную одежду и даже сапоги. Ноги подогнуты и подъ себя, какъ принято садиться у кочевниковъ. На краю камня, надъ одной изъ фигуръ, около плеча, видно изображеніе птицы. По всей вѣроятности это изображеніе «сокола», такъ какъ охота съ соколами была любимымъ занятіемъ кочевниковъ тюркаго и монгольскаго племени. Всё это нѣсколько рисуетъ обстановку и бытъ строителей памятника. Въ четвертыхъ замѣчательно положеніе рукъ на этихъ изображеніяхъ, они держатъ чаши въ рукахъ и это напоминаетъ другіе памятники и изображенія, а именно чаши каменныхъ бабъ, что указываетъ нѣкоторое родство этихъ памятниковъ. Въ пятыхъ на краяхъ лицевой стороны и на оборотной сторонѣ находится рядъ руническихъ знаковъ, тождественныхъ съ Кошо-Цайдамскими и Минусинскими надписями. Пріемъ письма подходящъ болѣе къ минусинскимъ, такъ какъ строки идутъ не горизонтально но неправильно, криво и самыя буквы болѣе грубы и не такъ изящны, какъ на Кошо-Цайдамскихъ памятникахъ.

Мы не беремся разъяснять это отличіе, но можемъ догадываться, что болѣе грубое письмо принадлежало самимъ тукюэ., а болѣе изящное на

воздвигнутыхъ памятникахъ китайцамъ. Всѣ указанные аттрибуты и признаки этого могильника открываютъ новыя черты въ намогильной культурѣ и соединяютъ этотъ памятникъ съ предшествовавшими типами, поэтому находка эта очень любопытна въ археологическомъ отношеніи.

Намъ кажется, что этотъ любопытный барельефъ могъ бы быть вывезенъ хотя въ Ургу, чтобы быть сохраненнымъ, какъ памятникъ древняго искусства. Мы должны прибавить, что и современные монголы чувствуютъ къ нему почтеніе, по крайней мѣрѣ мы должны были очищать этотъ памятникъ отъ слѣдовъ жертвоприношеній, которые покрывали плиту творожистыми остатками молока и кумыса.

1-го сентября мы направились по дорогѣ къ монастырю Со-Гуна и сдѣлали перевалы Шибе и Уле. Здѣсь мы вышли собственно на маршрутъ Г. П. Потанина и Скасси, поэтому географическую часть уже не предстоитъ надобности заносить въ полности, такъ какъ здѣсь сдѣлана съемка. Замѣтимъ, что въ этихъ мѣстахъ 31 августа уже выпалъ первый снѣгъ и температура была ровно + 3°. 2-го сентября было такое же холодное утро, даже въ юртѣ было + 5°. Мы сдѣлали переходъ въ 25 в.; по пути я обратилъ вниманіе на монгольскія пашни, первобытные способы обработки и молотьбы. На пашнѣ мы видѣли нѣсколько полосъ отъ 5 — 8 шаговъ въ ширину и 10 — 15 въ длину. Поле не вспахиваютъ, колосья садятъ рѣдко и среди нихъ видна сорная трава. Сѣютъ ячмень халтыръ-арба, какъ говорятъ Тибетскій сортъ. Колосья не жнутъ, а вырываютъ руками, затѣмъ вяжутъ небольшіе снопы, очистивъ отъ травы и перевязываютъ прутьями, всё это везутъ затѣмъ къ жилью, гдѣ очищено мѣсто въ 9 саж. длины, снопы укладываются въ кругъ и по нимъ прогоняются лошади, обыкновенно тройка. Пометъ и навозъ убираются. Послѣ зерно сгребаютъ лопаткой и лопатой же вѣютъ.

Къ вечеру мы прибыли къ монастырю Со-Гуна и остановились въ юртахъ монголовъ. 3-го сентября я не могъ выходить изъ юрты по случаю простуды, страшные ревматизмы въ ногахъ возобновились и я снова испробовалъ леченіе ламы, который употреблялъ массажъ и припарки смочивая ихъ какой то травой. Лѣкарство я записалъ сдѣлавъ подарокъ ламѣ, и передалъ этотъ рецептъ Д-ру Кирилову, занимающемуся изученіемъ Тибетской медицины. 4-го сентября я могъ выходить и осмотрѣлъ керексуры, находящіеся около монастыря. Уже ранѣе переводчикъ мой нашелъ тотъ камень, на которомъ предполагались надписи; но это оказались не руны, а типическія начертанія оленей, или оленный камень. Рисунокъ былъ нами снятъ. Путь нашъ продолжался на Дзолингенъ-Дабанъ къ р. Могою. Передъ переваломъ, среди лавовыхъ обнаженій, мы встрѣтили опять до 20 *керексуръ* различныхъ формъ. Попадались четыреугольные и круглые т. е. обведенные

камнями, а также и съ кольцеобразными фигурами, одинъ могильникъ былъ 45 шаг. длины. На плоскихъ, четыреугольныхъ керексурахъ были стоячіе камни до 1 мет., на перевалѣ также было 2 керексура, далѣе, до долины Могоя, ихъ не было. Въ этой мѣстности горы покрыты въ изобиліи лѣсомъ, тогда какъ ранѣе онѣ были голы. Особенно богатъ лѣсною растительностью Сѣверный склонъ, лѣсъ лиственный и невысокорослый. Выходъ въ долину Могоя представляетъ веселый видъ. Много монгольскихъ пашенъ. Мы узнали, что посѣвы на Орхонѣ начинаются въ половинѣ 2-го, весенняго мѣсяца (апрѣль) а сборы хлѣба застали 5 и 6-го сентября. Сѣютъ ячмень, пшеницу и просо. Всю эту мѣстность, до Орхона и по Орхону, до самой Кяхты, мы нашли въ высшей степени удобной для земледѣлія. Въ горахъ лѣсъ попадался постоянно и это измѣнило совершенно пейзажъ послѣ монотонной, безлѣсной Монголіи.

6-го сентября мы дошли до Орхона къ Ю. была гора Эшекты почти столообразная, направо гора Берхе. Лавовые выступы или потоки съ З. подходитъ къ самому берегу. Переправа была монгольская,—двѣ связанныя лодки-плоты, на которыя ставятся двухколесныя телѣги и грузъ, экипажъ находится на вѣсу. Отъ монастыря Со-Гуна мы купили китайскую повозку, такъ какъ верхомъ ѣхать, ввиду ревматизмовъ и ощущаемыхъ болей я не могъ. Перевозятъ на этихъ лодкахъ людей и багажъ конечно не съ разу и переправа длится долго. Лодки по мелководью не доходятъ до берега, поэтому пассажировъ перевозчики переносятъ на плечахъ. У крутого берега Орхона еще оригинальнѣе переправа. Перевозчики берутъ съ одного берега двухъ лошадей и привязываютъ ихъ на коновязи къ носу парома. Они плывутъ сначала по теченію и лошади плывутъ рядомъ лодкой, паромъ направляется по діагонали къ другому берегу и когда онъ близокъ лошади торопятся достигнуть его и тащутъ паромъ къ берегу. По достиженіи берега лошадей отвязываютъ.

За Орхономъ вскорѣ показался ручей Серь. На этомъ ручьѣ около керексуръ мы встрѣтили два оленныхъ камня съ которыхъ сняли фотографію и сдѣлали рисунокъ.

Отъ ручья Серь снова поднялись на перевалъ. Дорога тяжелая; собственно можно сказать телѣжной дороги нѣтъ.

7-го сентября съ ночлега осталось до Кяхты еще 10 станцій, или приваловъ. Что такое монгольскія станціи? Это привалъ чрезъ 25 или 30 в. въ юртахъ, конечно юрты часто передвигаются, поэтому каждый путешественникъ слѣдуетъ по особымъ станціямъ каждый разъ. Останавливаться нельзя только на перевалахъ и на высотахъ, въ долинѣ же, гдѣ есть юрты, любое мѣсто можетъ быть приваломъ. Мы спѣшили однако идти и дѣлали до 30 верстъ въ день. 7-го сентября мы прошли мимо монгольскаго мона-

стыря и, при переходѣ чрезъ рѣчку Ачиту, встрѣтили керексуры. Мы переходимъ чрезъ перевалы и съ горъ спускаются лѣса; лиственница и сосна попадается чаще. Мѣстность между Орхономъ и Сепенгой гориста. Видны зимовки монголовъ и дворы для скота. Здѣсь же въ ходу у монголовъ сѣнокошеніе русскими косами. При переходахъ мнѣ приходилось садиться верхомъ въ виду трудности спускаться на перевалахъ. 8-го сентября на ночлегѣ насъ засталъ сильный вѣтеръ, подпорки въ юртѣ едва держались, юрта трещала, а палатка наша ночью два раза была сорвана вѣтромъ. Мы прошли около 45 в. по плоскогорью и перешли чрезъ перевалъ Сангинъдаба. Остановились на станціи Цаганъ-Чулутей, на р. Ирденту.

Мѣстность высокая и здѣсь выпадаютъ большіе снѣга, юрты становятся въ горахъ для защиты отъ вѣтровъ, скотъ выпускаютъ туда, гдѣ снѣгу менѣе и подножный кормъ доступнѣе.

9-го сентября цѣлый день двигались по переваламъ. Горы покрыты лѣсомъ, въ долинахъ юрты и покосы, видно много стоговъ сѣна. Имѣются зимовки, дворы для скота и амбары для хлѣба. Мѣстность какъ будто культурнѣе. Русскій топоръ, литовка и соха здѣсь совершили завоеваніе. По р. Хангалу и другимъ, впадающимъ въ Орхонъ и Селенгу, цѣлыя мѣстности весьма пригодныя для земледѣлія, виденъ хорошій черноземъ. Пройдены перевалы Соготу и Шибету, послѣдній особенно утомителенъ, тянулся часа 4, лошади и верблюды уставали. Мѣстность была пустынна; только къ 9 час. вечера мы достигли юртъ. 10-го сентября тянулась подобная же дорога; на Бургултаѣ встрѣтились керексуры; 11 сентября мы переночевали верстахъ въ 20 отъ монастыря Амыръ-Байсхуланъ, мы достигли его въ полдень. Монастырь этотъ славится святынями. На перевалѣ стоитъ огромное *обо* и вырѣзанная на камнѣ «*мани*» (молитва). Стихъ молитвы выложенъ огромными камнями на горѣ передъ монастыремъ и кажется гигантской надписью. Кумирни очень богаты. Одна сооружена изъ большихъ, вытесанныхъ плитъ и съ крышей изъ глазированной черепицы. Всѣхъ кумиренъ 20, и 2000 ламъ. Здѣсь же останки Ундуръ Гегена.

Мы встрѣтили много богомольцевъ монголовъ и между прочимъ монгольскихъ знатныхъ дамъ, женъ монгольскихъ князей, ѣхавшихъ въ китайскихъ каретахъ, на поклоненіе въ монастырь. Около монастыря, какъ всегда, китайскія лавки.

Перевалъ Ульби лѣсистъ и покрытъ прекрасной растительностью лиственницы, березы, осины и кустарниковъ; но дорога ужасная и переходъ до 30 в. совершенно пустыненъ.

12 сентября встрѣтилось въ долинѣ Ульби, впадающей въ Селенгу, много монгольскихъ и китайскихъ пашенъ. Китайскія фермы, фанзы стояли часто рядомъ съ юртами, около пашенъ были оросительныя канавы и хлѣба ро-

дятся превосходно. Къ вечеру мы вышли на Селенгу и предъ нами открылась прекрасная панорама синѣющихъ горъ. Мы были около русской границы, но монгольская обстановка и кочевая культура, какъ и дикая природа еще окружали насъ. Третьяго дня еще мы видѣли въ юртѣ монголку *отогёнъ* т. е. шаманку. Сначала мы ее приняли за больную, страдающую невральгіей; но намъ объяснили, что это отогёнъ. Мы просили ее пошаманить и дать намъ предсказаніе. Она выполнила гаданье и удивила насъ своими пріемами и конвульсіями. Держа бубенъ она перегибала станъ свой назадъ до того, что лицо ея въ обратномъ видѣ показывалось на спинѣ. Она была покрыта потомъ и ея прорицанія раздавались среди криковъ и оханья.

Такую же шаманку мы видѣли около Хара-Балгасуна, во время пребыванія тамъ экспедиціи а также и шамана. Они сохраняются и продолжаютъ свою обрядность при ворожбѣ. Это не мѣшаетъ имъ быть вѣрными буддистами. На возвратномъ пути мы болѣе занимались этнографіей и провѣряли остатки древнихъ монгольскихъ обычаевъ и примѣтъ.

Видя монгольскую грязь и сохраняющійся обычай не мыть посуду, а также запачканное саломъ платье монголовъ, руководствуясь объясненіемъ Ламы Галсонъ-Гомбаева, *) въ одной изъ юртъ, мы произнесли слѣдующее привѣтствіе по монгольски: «Пусть котёлъ твой и кадка будетъ въ грязи, одежда твоя да будетъ въ салѣ и табуны многочисленны». Мы хотѣли испытать впечатлѣніе. Хозяинъ юрты сложилъ благоговѣйно руки склонился и принялъ это, какъ лучшее пожеланіе а бурятъ казакъ переводчикъ прибавилъ: — Это благословеніе тебѣ! Хозяинъ былъ видимо тронутъ.

Намъ пришлось убѣдиться горкимъ опытомъ, что если чѣмъ не обдѣленъ монголъ, то именно этимъ «благословеніемъ». Сравнивая обстановку жизни кочевниковъ мы пришли къ заключенію, что кочевникъ монголъ весьма мало подвинулся въ культурѣ и жизнь его носитъ слѣды борьбы съ тяжелою нуждою. Намъ выпадало на долю сталкиваться преимущественно съ бѣднымъ населеніемъ Монголіи. Юрты монголъ отличались и меньшею опрятностью и большей бѣдностью чѣмъ кочевыя жилища киргизъ.

---

13 сентября мы попали немного въ сторону отъ тракта и вышли на Селенгу. Нашему переводчику понадобилось избрать это направленіе, чтобы повидаться съ знакомымъ. Повидимому онъ не раздѣлялъ нашего жела-

*) О древнихъ монгольскихъ обычаяхъ и суевѣріяхъ Лама Галсонъ-Гомбаева Труды Вост. Отдѣленія Импер. Археологич. Общества 1857 г. ч. 4-ая вып. 2-й.

нія возвратиться скорѣе. Цѣлый день мы дѣлали утомительный переходъ на Бангу чрезъ перевалъ Суджи. Что это за ужасная дорога въ 40 верстахъ отъ русской границы! Перевалъ тянулся цѣлые 12 часовъ съ 9 час. утра до 9 часовъ вечера. Подъемы были тяжелы даже для привычныхъ верблюдовъ и затруднительны для провоза двухколесной телѣжки. Послѣ спуска съ горы начинается кривой затруднительный подъемъ, затѣмъ горное плато и снова спускъ, когда вы ждете конца начинается новый подъемъ и т. д. Для этого медленнаго движенія нужно замѣчательное терпѣніе. Одинъ перевалъ поднялъ насъ на высоту, съ которой открывался видъ на цѣлыя гряды горъ. Горы голы, только кое гдѣ сбѣгаетъ пожелтѣлый березникъ. Передъ вечеромъ открылась широкая панорама на Селенгу и на дальнія высоты. Видъ былъ красивый, какъ вездѣ, гдѣ выбѣгала Селенга; она, сравнительно съ унылымъ Орхономъ, кажется кокетливой красавицей, но намъ теперь было не до красотъ. Во мракѣ ночи утомленные и голодные мы подошли къ станціи Бонго. Лошади и верблюды завязли въ канавѣ. Слышались крики, брань, проклятія, но вотъ показался во мракѣ монголъ, подобно спасителю Симотду въ глухой Тундрѣ Сѣвера, описанному Пешелемъ; этотъ инородецъ появляется здѣсь иногда внезапно, какъ ожидаемый другъ для теряющагося въ пустынѣ путника и ведетъ васъ къ своей юртѣ.

Вотъ она грязная, дымная, но тёплая и всё таки желанная, ибо подъ ней и кровъ и утоленіе голода и грѣющій очагъ, то есть всё то что желаетъ путникъ въ тёмную ночь.

Остается 40 верстъ до русскаго города, вы знаете что васъ ждутъ письма, газеты, тамъ телеграфъ, который соединитъ васъ съ міромъ и вы узнаете вѣсти о близкихъ людяхъ и тѣмъ не менѣе два дня пути медленнымъ верблюжьимъ ходомъ. Я рѣшился ѣхать на завтра впередъ каравана.

Послѣдняя ночь въ юртѣ. Я смотрю въ послѣдній разъ на монгольскую обстановку. Дымящійся очагъ, аргалъ, грязные войлоки и жалкое освѣщеніе изъ плошки съ жиромъ. Мы утоляемъ голодъ изъ монгольской чашки и пьемъ молоко изъ грязнаго котла, вмѣсто хлѣба сухари. Всё это покажется чрезъ нѣкоторое время дико и странно.

Оставляя эти печальныя мѣста, выѣхавъ отсюда больнымъ, съ ревматизмами, усталымъ, я тѣмъ не менѣе взглянулъ на монгольскую степь съ грустью.

Я не могъ не заинтересоваться этой пустыней и мѣстами, которые были когда то широкой ареной историческихъ событій. Не паденіе варварской имперіи возбуждало сожалѣніе и грусть, но то положеніе человѣка-дикаря, которое до сихъ поръ не измѣнилось къ лучшему. Эти мѣста не тронула ни

культура, ни просвѣщеніе несмотря на проносившіеся здѣсь вѣка. Разгадывая прошлое Монголіи нельзя было не задуматься надъ картиной настоящаго.

Можетъ быть тѣ усилія, тѣ труды которые совершались для ея изученія, въ томъ числѣ наша посильная лепта, послужитъ на пользу науки и разъяснивъ мракъ прошлаго, освѣтитъ настоящее и будетъ, хотя косвенно, служить къ облегченію судьбы и проникновенію свѣта въ отчужденную семью народовъ центральной Азіи.

Н. Ядринцевъ.